

книга первая

ПОЦЕЛУИ
ОБМАНА

ХРОНИКИ ВЫЖИВШИХ

МЭРИ Э. ПИРСОН

Annotation

Она сбегает в день своей свадьбы. Крадет секретный документ из тайника. За ней охотятся наемники, отправленные в погоню ее отцом. Она — семнадцатилетняя принцесса Лия, Первая дочь дома Морриган. Правители королевства чтят устои предков и соблюдают старинные обычаи. Но есть традиции, с которыми Лия не желает мириться. Например, выходить замуж за того, кого она ни разу не видела — человека, избранного ей в мужа из политических соображений.

Мэри Пирсон

Поцелуй обмана

* * *

*Мальчику, попытавшему счастья,
Мужчине, сумевшему его сохранить.*

Конец скитаний. Обещание. Надежда.

Расскажи еще раз, Ама. Расскажи о свете.

Я роюсь в памяти. Сон. История. Смутное воспоминание.

Тогда я была меньше, чем ты, дитя.

Грань между хлебом насущным и истиной. Нужда. Надежда. Моя бабушка рассказывала сказки, чтобы занять меня, потому что есть было нечего. А теперь я смотрю на эту девчушку, былиночку, которой и во сне не доводилось досыта поест. Она верит. Она ждет. Тяну ее к себе за худые ручонки, сажаю, легкую как перышко, себе на колени.

Давным-давно, дитя мое, жила-была принцесса, не старше твоих лет. Ей покорялся весь мир. Солнце, луна и звезды падали ниц и поднимались с колен, повинясь ее приказам. Давным-давно...

Что было, то прошло. А сейчас есть лишь она — эта златоглазая девочка у меня на руках. Прочее не имеет значения. Только конец наших скитаний. Обещание. Надежда.

Идем, дитя. Нам пора.

Пока не явились стервятники.

Вечные вещи. То, что остается. То, о чем я не смею с ней говорить.

Я расскажу тебе по пути. О том, что было раньше. Давным-давно...

Последний завет Годрель

Глава первая

Настал день, когда должны умереть тысячи мечтаний и родиться единственная мечта.

Ветер знал это. Его ледяные порывы терзали венчавшую холм крепость, словно лютой зимой, хотя уже наступил июнь. Ветер сотрясал проклятьями окна и сквозняками летал по залам, нашептывая угрозы. Грядущее было неотвратимо.

К добру или худу, но время мое истекало. Я прикрыла глаза, прячась от этой мысли и зная, что вскоре день расколется надвое и навеки разделит мою жизнь на *До* и *После* — все случится в один миг, и я не в силах ничего изменить, как не могу изменить цвет своих глаз.

Я отошла от окна, запотевшего от моего дыхания, оставив бескрайние холмы Морригана наедине с их заботами. Пора и мне встретиться со своими.

Все обряды были совершены как подобает, ритуалы выполнены согласно предписаниям, отдана дань величию Морригана и Выжившим, его основавшим. Я не противилась.

С этого момента мной овладело безразличие, но с приближением полудня сердце снова бешено заколотилось — я осознала, что от неизбежного меня отделяет всего несколько шагов.

Обнаженная, я лежала лицом вниз на каменном столе, уставившись в пол, пока тупые лезвия царапали мне спину. Я замерла неподвижно, хотя и знала, что ножи, дотрагивающиеся до моей кожи, в умелых руках. Мастера и распорядители прекрасно понимали, что поплатятся жизнью, если что-то пойдет не так. Полная неподвижность помогала мне скрыть унижение от собственной наготы и прикосновений чужих пальцев.

Паулина, сидела рядом, наблюдая — наверняка волнуясь. Ее лица я не видела: длинные темные мои волосы рассыпались водопадом, отгородив меня от мира. Мне был виден только небольшой участок каменного пола, да слышен мерный шорох лезвий.

Одно из них спустилось к пояснице и царапнуло нежную кожу над ягодицами. Я поборола инстинктивное желание оттолкнуть его, но все же слегка вздрогнула, и по залу пронесся вздох.

— Тихо! — прикрикнула тетушка Клорис.

Мне на голову опустилась материнская рука и стала ласково перебирать волосы.

— Еще несколько линий, Арабелла. И все.

Несмотря на то что это было приятно, я рассердилась, услышав свое официальное имя. Мать настаивала, чтобы меня называли именно так, подержанным именем, которое до меня носили слишком многие. Мне хотелось, чтобы хоть сейчас, в последний мой день в Морригане, она оставила формальности и назвала меня так, как я предпочитала, прозвищем, которое дали мне братья, сократившие одно из моих многочисленных имен всего до трех букв. *Лия*. Простое имя, правдивее всего отражавшее мою суть.

Шорох смолк.

— Готово, — объявил главный мастер.

Помощники забормотали, подтверждая его слова.

Я услышала стук подноса, поставленного на соседний стол, и почувствовала насыщенный аромат розового масла. Вокруг зашаркали ногами, образуя круг — тетушки, мать, Паулина и другие, кто был допущен к участию в церемонии, — и запевая молитвы. Перед глазами мелькнула черная мантия жреца, он вел мелодию громче всех, нагретым маслом окропляя мою спину. Помощники мастера втирали масло в кожу, умелыми

пальцами впечатывая в нее бесчисленные традиции дома Морриган, придавая вес обещаниям, вырезанным на мне, провозглашая сегодняшние обеты и подтверждая грядущие.

«Пускай надеются», — с горечью думала я, стараясь мысленно привести в порядок все еще стоящие передо мной задачи; те, что были запечатлены в сердце, а не на клочке бумаги. Я почти не слушала бормотание жреца, его монотонное пение о том, чего хотели другие — обо мне там не было ни слова.

Мне было всего семнадцать. Неужели я не имела права даже на свои собственные мечты о будущем?

— Арабелла Селестина Идрис Джебзелия. Первая дочь дома Морриган, плоды ее жертвы и благословение...

Он все твердил о бесконечных благословениях и святынях, его голос звучал все громче, заполняя зал, и, когда я думала, что больше не вынесу (слова жреца буквально душили меня), наконец умолк, и на краткий благословенный миг в ушах зазвенела тишина. Я снова обрела способность дышать. Оставалось последнее благодарение.

— Ибо королевства восстают из праха умерших, воздвигаются на костях ушедших, и к сему мы вернемся по воле Небес!

Он поднял мой подбородок одной рукой и, окунув большой палец другой в пепел, мазнул мне по лбу.

— Быть посему и для Первой дочери дома Морриган, — закончила моя мать, как предписано традицией, и стерла пепел смоченной в масле тряпицей.

Я закрыла глаза и опустила голову. *Первая дочь*. Благословение и проклятие. И, сказать по правде, позор.

Мать снова дотронулась до меня, ее ладонь легла мне на плечо. Запоздалая ласка отозвалась острой болью на раздраженной коже. Жрец запел последнюю молитву на родном языке моей матери, молитву-оберег, которая почему-то не входила в обязательный ритуал, — и мать отняла руку.

И снова меня окропляли маслом под заунывное пение, разносившееся под каменными сводами, тяжелый аромат роз заполнял воздух и мои легкие. Я вдохнула поглубже. Удивляясь себе, я невольно наслаждалась этой частью ритуала: нагретые масла и теплые ладони снимали копившееся неделями напряжение. Бархатное тепло смягчило жжение от кислоты лимонного сока, подмешанного к краске, а благоухание цветов на миг перенесло меня в тайный сад, где никто не смог бы меня найти. Ах, если бы все было так просто...

Церемония подошла к концу, и мастера расступились, позволяя полюбоваться их работой. Раздались восхищенные вздохи.

Я услышала чьи-то шаги.

— Осмелюсь сказать, взгляд жениха вряд ли задержится на спине, когда его взору откроется все остальное.

По залу пронесся смешок. Бойкую на язык тетюшку Бернетту не остановило ни присутствие жреца, ни торжественность момента. Отец утверждал, что я унаследовала ее язвительность, но сегодня мне все же удавалось сдерживаться.

Паулина взяла меня за руку и помогла подняться.

— Ваше высочество, — она протянула мне мягкую простыню, чтобы прикрыть наготу и сохранить хотя бы те крохи достоинства, что еще оставались у меня.

Мы украдкой переглянулись, и мне немного полегчало. Паулина подвела меня к большому зеркалу и подала зеркальце в серебряной оправе, чтобы и я смогла оценить работу

мастеров. Перебросив длинные волосы на грудь, я приспустила простыню, до поясницы обнажив спину.

Все, затаив дыхание, ждали моей реакции. Я старалась казаться невозмутимой, чтобы лишний раз досадить матери, но нельзя отрицать, свадебная *кава* в самом деле вышла великолепной. Рисунок меня ошеломил. Уродливый герб Дальбрека был выполнен необычайно красиво... На моей спине лежал укрощенный рычащий лев, держа в когтях замысловатый узор из вьющихся виноградных лоз, символа Морригана, изящно сплетающихся в массивное V, сходясь на пояснице. Лев выглядел гордым, и в то же время покорным.

У меня ком встал в горле, глаза защипало. При других обстоятельствах я бы могла полюбить эту *каву*... Почла бы за честь носить ее. Я сглотнула, представив, как ахнет от изумления принц, сбросив мое свадебное одеяние после обмена клятвами. *Похотливая жаба*. Но искусству мастеров следовало отдать должное.

— Превосходно. Благодарю вас и не сомневаюсь, что с этого дня мастера Морригана будут в почете и у Дальбрека.

Мать улыбнулась, зная, чего мне стоили эти скупые слова.

На этом всех попросили удалиться: оставшееся время мне предстояло провести с родителями и Паулиной, моей камеристкой. Мать принесла нижнее платье, из белого шелка, невесомое, словно облачко — тончайшая ткань будто таяла в руках. Шелк мало что прикрывал — очередная формальность, такая же неясная и бесполезная, как бесчисленные пласты древних традиций. За нижним платьем последовало верхнее, с вышитой на спине V, повторявшей узор *кавы*: дань уважения Дальбреку и знак нового подданства невесты.

Мать затянула скрытую в платье тесьму, ткань мягко прильнула к телу, подчеркнув линию талии, но не образовав ни единой складки на спине, что было поистине чудом. Это была инженерия того же порядка, что и у великого моста Голгата, а то и более удивительная. Казалось, швеи вплели в ткань настоящую магию. Размышлять об этом было гораздо приятнее, чем думать о том, что случится в ближайший час. Мать торжественно развернула меня лицом к зеркалу.

Позабыв обиды, я замерла в восхищении. Никогда не видела платья прекрасней! Поразительно изящно и просто; единственное украшение — вставка из плотного кружева работы местных мастеров по глубокому, до талии, V-образному вырезу. *Элегантность*. Кружева повторяли форму выреза на спинке платья. В нем я казалась себе другим человеком — старше, мудрее... Кем-то, чье чистое сердце не таило секретов. Кем-то... непохожим на меня.

Не проронив ни слова, я отошла от зеркала и уставилась в окно. Моя мать еле слышно вздохнула, следуя за мной по пятам. Вдалеке виднелся одинокий красный шпиль на руинах Голгаты. Эта единственное, что осталось от некогда великого моста, раскинувшегося над бухтой. Скоро не станет и его. Даже таинственная инженерная магия Древних не в силах сопротивляться неизбежному. И с чего я взяла, что у меня получится?

Сердце защемило, и я перевела взгляд к подножию холма. Там, на дороге, ведущей от цитадели к городской площади, громыхали повозки, нагруженные бочонками с вином из виноградных хозяйств Морригана, фруктами и цветами. Присмотрела я и цепочку карет и даже рассмотрела цветные ленты, вплетенные в конские гривы.

Возможно, в одном из этих экипажей едет мой старший брат Вальтер, держась за руки со своей юной женой Гретой. Едва ли даже моя свадьба заставит их оторвать взгляд друг от

друга. Остальные братья, наверное, уже на площади, одаривают улыбками всех милостивых девиц подряд. Несколько дней назад я застала Регана с дочерью кучера: он что-то тихонько нашептывал ей на ушко в тени безлюдной аллеи. А ветреный Брин каждую неделю обхаживал новую пассию. Мои обожаемые старшие братья — все трое — могли влюбиться в кого захотят и жениться по своему выбору. Девушки тоже могли выбирать. И все остальные тоже, включая Паулину, чей кавалер должен был вернуться в город к концу месяца.

— Мама, как ты это вынесла? — спросила я, провожая взглядом кареты. — Покинула Гастино, вышла за противного старика, нелюбимого, за жабу?

— Твой отец не жаба, — строго сказала она.

Я повернулась к ней.

— Да, он, конечно, король, но тем не менее. Хочешь сказать, что брак с человеком вдвое старше не казался тебе кошмаром?

Серые глаза матери светились спокойствием.

— Не казался. Я выполняла свой долг и предназначение.

У меня вырвался тяжелый вздох.

— Потому что ты была Первой дочерью...

Мать всегда избегала таких разговоров, но сейчас деваться ей было некуда. Припертая к стенке, она застыла, но потом, вздернув подбородок, гордо произнесла:

— Это честь, Арабелла!

— Но у меня нет дара, который получает Первая дочь! Я не *сиарра*, которую ждут в Дальбреке. Обман непременно раскроется. И этот брак станет позором.

— Дар может прийти со временем, — тихо сказала мама.

Я не стала спорить, но всем известно, что чаще всего дар открывается, когда девочка становится девушкой. Со мной это произошло уже четыре года назад. И ничего — никаких намеков на дар. Маминым надеждам не суждено сбыться. Я вновь отвернулась к окну.

— Даже если ты не сиарра, — продолжала мать, — этот брак не станет позором. Дело не только в силе. Первая дочь — украшение королевского рода. Ты сама и есть дар, несущий в себе наследие поколений. Помни об этом.

— Почему дар переходит именно к нам? Почему сын не может унаследовать эту силу? Или вторая дочь?

— Такое бывает, но... очень редко. Это нарушение традиции.

Как и потеря дара? Немой упрек повис в тишине, но даже я не посмела бы ранить мать этими словами. Отец давно перестал посвящать ее в дела государства, но в годы расцвета маминой силы, к ее советам прислушивались. Или это ложь? Я уже не знала, чему верить.

А еще я терпеть не могла туманных речей. Мне нравилась прямота. И я так устала от разговоров о даре, что, казалось, взорвусь, если услышу еще хоть слово о нем. Моя мать принадлежала другому времени.

Мать приблизилась, обняла меня, согревая своим теплом. У меня сжалось горло.

— Моя дорогая дочь, — прошептала она мне на ухо, — неважно, проснется ли дар. Забудь тревоги. Сегодня день твоей свадьбы.

С жабой, мерзким стариком. Я мельком видела своего будущего свекра, короля Дальбрека, когда тот приезжал подписать бумаги — точно я была лошадкой, которую он купил для сына. Король был скрючен, как артритный палец — такой старый, что годился в мне в прадеды. Немощный и дряхлый, он даже не смог без посторонней помощи подняться по лестнице в Большой зал. Я представляла, каким щеголем окажется принц: сгорбленный, с

проваленным беззубым ртом! И чтобы я с ним...

Представив костлявые руки на своем теле, морщинистые губы на своих губах, я содрогнулась от отвращения. Мой взгляд по-прежнему был устремлен в окно, но я больше ничего не различала за стеклом.

— Почему мне хотя бы не позволили познакомиться с принцем поближе? Увидеть его?

Мать опустила руки.

— Увидеть принца? Отношения с Дальбреком и так напряженные, неужели ты оскорбила бы их подобной просьбой, в то время как Морриган живет надеждой на этот союз?

— Но я же не солдат в армии моего отца.

Мама прижалась ко мне щекой и прошептала:

— А вот тут, дорогая, ты ошибаешься.

По моей спине пробежал холодок. Мать в последний раз обняла меня и отстранилась.

— Нам пора. Я схожу за твоей накидкой, — сказала она и быстро вышла за дверь.

Я же направилась к шкафу и, распахнув дверцы, достала из нижнего ящика зеленый бархатный сверток, в котором был спрятан подарок на шестнадцатилетие от старших братьев — тонкий кинжал, инкрустированный драгоценными камнями. Упражняться с оружием мне не позволяли, но зарубки на двери гардеробной комнаты свидетельствовали о том, что я втайне от всех нарушала этот запрет. Взяв еще кое-что с полок, я завернула вещи в сорочку и перетянула лентой.

Вернулась Паулина, уже одетая к свадьбе, и я вручила сверток ей.

— Я обо всем позабочусь, — дрожащим от волнения голосом сказала она и поспешила прочь, столкнувшись в дверях с моей матерью.

— О чем она позаботится? — вскинула брови мама.

— Я решила взять еще кое-что из одежды.

— Мы уже отправили в Дальбрек все необходимое, — проговорила мать, пересекая комнату и подходя к кровати.

— А про эти платья забыли.

Покачав головой, мать напомнила, что места в карете немного, а путь в Дальбрек неблизкий.

— Все поместится, — заверила я ее.

Она бережно расправила на кровати накидку, за которой ходила в хранилище, и я погладила мягкий ворс цвета ночного неба, в котором мерцали не звезды, а рубины, турмалины и сапфиры. Драгоценности пригодятся. Хотя по традиции свадебную накидку надевали на дочь оба ее родителя, мама пришла одна.

— А где... — начала было я, но тут же услышала топот многих ног по коридору.

У меня упало сердце. Отец был не один. Даже в такой момент он явился с целой толпой: рядом с ним стояли лорд вице-регент, канцлер и королевский книжник, а позади — весь кабинет министров. Я знала, что вице-регент сочувствует мне: не так давно он признался, что выступал против союза с Дальбреком, но его никто не послушал. Зато канцлер и придворный книжник явно явились позлорадствовать. Я терпеть не могла обоих, и они платили мне той же монетой.

Отец подошел, поцеловал меня в обе щеки, потом слегка отстранился, чтобы взглянуть на платье, и произнес, мечтательно вздохнув:

— Такая же красавица, какой была твоя мать в день нашей свадьбы.

Я предположила, что такая демонстративная сентиментальность предназначалась собравшимся, ведь родители давно охладели друг к другу. Я почти никогда не видела проявлений нежности между ними, но тут вдруг взгляд отца встретился с маминым и... Что это было? Любовь? Или тоска по ушедшей любви и разбитым надеждам? Нерешительность охватила мое сердце, с губ готовы были сорваться вопросы, но я не решилась задать их в присутствии книжника, канцлера и прочих. Возможно, отец на это и рассчитывал.

Хранитель времени, маленький пухлый человечек с глазами навывкате, достал из кармана часы, с которыми никогда не расставался, и возвестил:

— Ваше величество, пора. Карета уже ждет.

Казалось, это министры и придворные правят нашей страной, а король — их покорный слуга. Вице-регент послал мне полный сочувствия взгляд, но вслух сказал:

— Опоздание выставит нас в неприглядном свете, а мы ведь не хотим расстраивать новых союзников в столь знаменательный день?

Чары рассеялись. Родители подняли накидку и набросили мне на плечи: мать помогла застегнуть пряжку на шее, отец накинул мне на голову капюшон и, следуя этикету, снова расцеловал, — на сей раз едва касаясь губами.

— Сегодня ты на славу послужила королевству Морриган, Арабелла.

Лиля!

Отец терпеть не мог имя Джебзелия — ни одна королева или принцесса в нашем роду не носила его до меня, *подобного никогда не было*, возмущался он. Но мать настаивала и добила своего, не вдаваясь в объяснения. Возможно, то был последний раз, когда отец выполнил ее каприз. Мне рассказала об этом тетя Бернетта, но даже она не вдавалась в детали этой темы, до сих пор болезненной для родителей.

Я взглядела в лицо отца. Мимолетная нежность ушла, мысли его уже обратились к государственным делам, но я все ловила его взгляд, на что-то надеясь. Тщетно. Я вскинула голову, выпрямилась:

— Да, ваше величество, и буду служить впредь, как и подобает солдату вашей армии.

Отец нахмурился и вопросительно взглянул на мать, но та лишь покачала головой и ничего не ответила. А отец — всегда сначала король и только потом отец — удовольствовался этим безмолвным ответом, потому что ведь всегда найдутся дела поважнее. Уже у дверей он обернулся, сказал, что будет ждать меня в аббатстве. Он выполнил свой долг. *Долг*. Это слово я ненавидела так же сильно, как болтовню о *традициях*.

— Ты готова? — спросила мать, когда все вышли из комнаты.

Я кивнула.

— Но мне нужно в туалет. Встретимся внизу.

— Я могла бы...

— Мама, прошу, — мой голос дрогнул впервые за этот день, — мне нужна минутка наедине с собой.

Оставшись одна, я некоторое время вслушивалась в эхо шагов матери по коридору, а затем прошептала:

— Паулина?

Она появилась из-за двери гардеробной. Мы молча глядели друг на друга, ясно отдавая себе отчет в том, на что решаемся. Каждую деталь предстоящего дня мы успели обдумать за долгие бессонные ночи.

— Еще не поздно передумать, все отменить, — тихо сказала Паулин.

Отменить? Мое сердце сжалось от боли, такой сильной и острой, что я задалась вопросом, способны ли сердца разрываться на самом деле? Или это был приступ страха? Я прижала руку к груди, пытаюсь унять мучительное ощущение. Возможно, это и был момент истины.

— Пути назад нет, — я покачала головой. — Мне не оставили выбора, и я не отступлюсь. С этого мгновения у меня новая судьба, к худу ли, к добру ли.

— Надеюсь, что к добру, — понимающе кивнув, отозвалась Паулина.

Мы выскочили за дверь, поспешили вниз по безлюдному коридору и спустились по черной лестнице, не встретив там никого: все слуги были заняты приготовлениями в аббатстве или толпились у главных ворот цитадели, поджидая торжественную процессию.

Через небольшую деревянную дверь на массивных черных петлях мы вышли в слепящий солнечный свет. Ветер принялся трепать подолы наших платьев, сорвал у меня с головы капюшон. Как я и рассчитывала, задние ворота крепости, которыми пользовались для выездов на охоту и тайных отлучек, оказались не заперты. Паулина повела меня через грязный выгул к гостевому дому, где в тени прятался мальчишка-конюх, держа поводья двух оседланных лошадей. Заметив меня, он выпучил глаза и взволнованно забормотал:

— Ваше высочество, карета для вас уже готова! Она у главного входа и...

— Планы изменились, — твердо сказала я, приподняв подол, чтобы вдеть ногу в стремя.

Белобрысый парнишка, раскрыв рот, таращился на мое белоснежное платье, на покрывавшую его грязь, которую я уже умудрилась размазать по рукавам, кружевному корсажу и, самое обидное, великолепной свадебной накидке дома Морриган, мальчишка раскрыл рот.

— Так ведь...

— Подсади меня! Живо! — крикнула я, забирая поводья у него из рук.

Он повиновался, потом помог Паулине.

— Но что же я скажу...

Окончания фразы я не услышала: кони взяли в галоп, в ушах засвистел ветер, и топот копыт заглушил все сомнения и воспоминания. Бок о бок с Паулиной мы очертя голову неслись вперед: все изменилось в один миг — миг, который похоронил тысячи честолюбивых мечтаний, чтобы подарить жизнь одной мечте. Ни разу не оглянувшись, я направила коня в сторону леса.

*Чтобы не повторять ошибок прошлого,
мы должны помнить свою историю,
передавая от отца к сыну, от матери к дочери,
ибо хватит и одного поколения,
чтобы навек утратить историю и истину.*

— *Священное писание Морригана, том III*

Мы кричали. Мы самозабвенно вопили в полный голос, не боясь быть услышанными, зная, что ветер, горы и расстояние уберегут нас от случайных ушей. Казалось, мы летим, будто вольные птицы. Если бы эта вера поколебалась в нас хоть на миг, страх уничтожил бы пьянящее чувство свободы. Он и так все время был рядом, заставляя меня прищипывать коня.

Мы направились на север, понимая, что мальчишка-конюх будет смотреть нам вслед, пока мы не скроемся в лесу. Основательно углубившись, мы отыскивали речушку, которую я заметила, охотясь со старшими братьями, и сделали петлю, проскакав по мелководью до каменистой отмели на другом берегу. Мы старались не оставлять следов, чтобы сбить с толку погоню.

Выбравшись на твердую почву, мы понеслись во весь опор, словно за нами гналось чудовище — по малоезженной тропе, огибающей лес, чтобы укрыться между деревьев, если услышим погоню. Мы то принимались хохотать, то глотали слезы, но большую часть пути ехали в молчании, еще не до конца веря, что нам удалось совершить задуманное.

Не прошло еще и часа, а у меня уже болело все тело: икры свело, ныли бедра, мозжило разбитую спину. За последние месяцы я отвыкла от быстрой езды — отец позволял мне лишь короткие прогулки тихой рысью. Онемевшие пальцы едва держали поводья, но Паулина не останавливалась, а я не хотела уступать.

Белое платье развевалось за спиной, венчая меня с новой жизнью. Впереди маячила неопределенность, но она казалась куда менее страшной, чем та вполне определенная жизнь, с которой я столкнулась. Отныне моя судьба в моих руках. Больше никто не подчинит меня своей воле.

Я потеряла счет времени: важен был лишь топот копыт, с каждым ударом которых мы удалялись от цитадели. Наконец, наши гнедые равианские скакуны начали всхрапывать и сбавили шаг — оба разом, будто сговорившись. Равианы были гордостью морриганских конюшен, и сегодня они показали нам все, на что способны. Взглянув на узкую полоску неба над вершинами деревьев, я поняла, что стемнеет часа через три, а значит, спешиваться рано. Мы продолжили путь спокойной рысью и, только когда солнце скрылось за горным хребтом Анделучи, стали искать безопасное место для ночлега.

Мы ехали между деревьев, высматривая укрытие, и я прислушивалась к каждому шороху. Вдалеке тревожно закричали птицы, и у меня по спине побежали мурашки. Вскоре перед нами появились руины Древних: развалины каменных стен и колонн выглядели скорее частью природы, чем творением рук человека. Каменная кладка густо поросла мхом и

лишайником — возможно, только одно это еще и скрепляло ее, не давая рассыпаться. Возможно, эти жалкие остатки были некогда величественным храмом, но сейчас в нем хозяйничали папоротники и лианы. Паулина поцеловала тыльную сторону ладони — жест-благословение и защита от духов, — и прищорила коня. Я же не торопилась и не стала целовать ладонь, но с любопытством разглядывала покрытый зеленью остов родом из иного времени, размышляя о людях, его создавших.

Через несколько минут мы выехали на небольшую поляну. Уже темнело, мы обе с трудом держались в седле от усталости, поэтому не сговариваясь мы приняли решение остаться здесь на ночь. Я мечтала об одном: упасть на траву и провалиться в сон, но лошадям требовался уход — ведь успех нашего побега зависел только от них.

Сбросив на землю седла — на церемонии не было сил — мы развесили влажные попоны сохнуть на ветках и отпустили лошадей пастись, они направились напрямик к ручью, чтобы напиться.

Наконец мы повалились без сил. О том, чтобы поесть, не было и мысли, хотя с самого утра у нас во рту не было и маковой росинки — слишком уж мы нервничали, боясь, что все сорвется. Я задумала побег почти за месяц, но вплоть до вчерашнего прощального ужина в Зале Альдрида не была уверена, что решусь на это. Именно тогда немислимое вдруг показалось мне единственным выходом. Среди общего веселья, тостов и смеха, я задыхалась под взглядами самодовольных министров. Я нашла глазами Паулину, стоявшую поодаль с другими слугами, и едва заметно наклонила голову. Моя верная камеристка поняла: я не смогу сделать то, чего все от меня ждут. И кивнула в ответ.

В тот же вечер, дождавшись, когда все уснут, мы встретились в моей спальне и обсудили план. Времени было мало, а сделать предстояло многое. Все зависело от того, раздобудем ли мы лошадей. На рассвете Паулина — тайком от главного конюшего, занятого подготовкой свадебной процессии, — отправилась в конюшни и нашла там младшего конюха, слишком молодого и неопытного, чтобы спорить с королевской служанкой. Появилась надежда, что наш скроенный наспех план будет осуществлен.

Быстро смеркалось, и на смену усталости пришел страх. Мы собрали немного хвороста и разожгли костер: огонь отпугнет хищников, рыщущих между деревьев, или хотя бы позволит разглядеть их прежде, чем клыки вонзятся в тело.

С наступлением темноты мир вокруг нас съежился до кружка трепещущего света, согревающего нам ноги. Я смотрела на языки пламени и наслаждалась треском сухих веток. Это были единственные звуки в тишине, но мы не теряли бдительности.

— Как вы думаете, — спросила Паулина, — тут есть медведи?

— Скорее всего, — ответила я, а сама подумала о тиграх.

Мне довелось встретить одного, когда мне было десять лет. Он выскочил из зарослей прямо передо мной, и был так близко, что я чувствовала смрад из его пасти. Он рычал и капал слюной и был готов разорвать меня. Я приготовилась к смерти. Не знаю, почему зверь медлил и не бросился на меня сразу. Спас меня окрик брата, который пошел меня искать. Зверь исчез так же быстро, как появился. Никто не поверил моему рассказу. Считается, что тигры водятся в Кам-Ланто, но и там их немного, а вот в Морригане они не встречаются. Тяжелый взгляд янтарных тигриных глаз до сих пор иногда мне снится.

Я вгляделась в темноту за языками пламени. Седельный выюк вместе с моим кинжалом был всего в двух шагах, но все же за пределами освещенного круга. Какая досада, что мне не хватило ума подумать об этом раньше.

— Бывают существа и пострашнее медведей, — я попыталась разрядить обстановку шуткой. — Дикари, например.

Паулина охнула в притворном ужасе:

— Еще бы! Они ведь плодятся как кролики и откусывают головы мелким зверушкам.

— А вместо слов мычат и фыркают.

Я тоже слышала эти истории. Дозорные, возвращаясь с объездов, сообщали, что свирепых варваров становится все больше. Именно поэтому Морриган и Дальбрек решили забыть о распрях, заключить мир и объединиться. Пожертвовав ради этого мной. Обширная страна свирепых варваров, границы которой расширились, а население росло, страшила больше, чем достаточно цивилизованные соседи, с которыми мы, по крайней мере, происходили от общих предков, Выживших. Вместе Морриган и Дальбрек станут непобедимыми, порознь пропадут. Пока натиск варваров сдерживали лишь бескрайние просторы Кам-Ланто и бурные воды Великой реки.

Паулина подбросила сухих веток в огонь.

— Вам легко даются языки. Вы бы и варварскую тарабарщину быстро выучили. Тем более что половина придворных у нас тоже так изъясняются.

Мы захихикали и принялись передразнивать лающий голос канцлера и вздохи надменного книжника.

— Вы когда-нибудь видели варваров? — спросила Паулина.

— Я? Варваров? Меня вот уже несколько лет держат на коротком поводке, где уж тут хоть кого-то увидеть.

Мои вольная жизнь резко оборвалась, когда родители вдруг объявили, что я уже почти взрослая и мне не пристало носиться с братьями по холмам. Мы с Брином, Реганом и Вальтером, бывало, часто ездили к руинам Древних, устраивали скачки в лугах, охотились на мелкую дичь, проказничали. Но со временем стало ясно, что принцам позволено больше, чем принцессе. На их проделки закрывали глаза, меня же наказывали — словом, отныне ко мне подходили с другой меркой, чем к братьям.

Несмотря на запреты, я удирала из дома — так же, как убежала сегодня. Родители вряд ли одобрили бы это, но я гордилась своим мастерством оставаться незамеченной. Книжник догадывался о моих проделках и пытался поймать, но я научилась обходить его ловушки. А еще он знал, что я навевалась в хранилище священных писаний и рылась в древних манускриптах, что было мне строго-настрого запрещено.

К сожалению, побегов из цитадели было недостаточно, чтобы почувствовать себя свободной в полной мере. Меня знала каждая собака в Сивике, и уже через час родителям становилось обо всем известно. Отдушиной для меня стали редкие ночные вылазки в дальние уголки дворца и азартные игры с братьями и их друзьями, которые не возражали против моего присутствия и умели хранить секреты. Братьям всегда нравилось наблюдать, как вытягиваются лица приятелей, когда маленькая сестренка Вальтера обставит их в карты. А я наслаждалась тем, что при мне они говорили обо всем, не стесняясь того, что я девушка, да еще и королевской крови. Эти беседы учили меня всему тому, что нельзя было узнать от придворного наставника.

Приложив руку козырьком к глазам, я притворилась, будто вглядываюсь в темноту.

— Эй, дикари, а ну-ка идите сюда, мы вас не боимся! — закричала я, подождала ответа и пожала плечами. — Вот видишь, они испугались.

Паулина рассмеялась, но, как мы ни храбрились, нам обеим было не по себе. В наших

лесах уже не раз видели варваров. Они добирались небольшими группами из Венды, в надежде попасть в запретные земли Кам-Ланто. Иной раз им хватало дерзости забредать даже в Морриган и Дальбрек, ускользя от погони с проворством волчьей стаи.

О варварах беспокоиться было рано, поскольку мы с Паулиной только отъехали от столицы Морригана. Так близко дикари не подходили. Хотелось в это верить. Иное дело — вольный кочевой народ, с которым я не встречалась, но сразу узнала бы по описаниям. Эти бродяги нередко спускались с Кам-Ланто, чтобы пополнить свои запасы. Они путешествовали в расписных кибитках, продавали снадобья и амулеты, за монету-другую играли на музыкальных инструментах. Встречи с вольным народом я не боялась, куда страшнее было попасться отцу. А еще меня мучило чувство вины, что я втянула во все это Паулину. Слишком многое мы с ней не успели вчера обсудить.

Я смотрела, как девушка задумчиво подбрасывает ветки в костер. Она была умна и очень находчива, но не отличалась храбростью, поэтому ей было куда труднее решиться на побег. От него выигрывала только я, Паулина же лишалась всего.

— Прости, Паулина. Я втянула тебя в такой переплет.

Паулина пожала плечами:

— Я все равно собиралась уехать.

— Но совсем по другой причине и при более благоприятных обстоятельствах.

Девушка улыбнулась, не возразив.

— Может, и так, — улыбка постепенно сходила с ее лица, Паулина посмотрела мне прямо в глаза. — Только не знаю, могла ли сыскаться причина важнее этой. Невозможно вечно ждать подходящего момента, надо на что-то решаться.

Я не заслуживала ни такой чудесной подруги, ни такого сочувствия и добросердечия с ее стороны.

— Нас будут искать, — сказала я. — За мою голову посулят немалый выкуп, целое состояние.

Этого мы не обсуждали с ней утром. Паулина отвернулась, а потом с силой замотала головой:

— Не может быть! Ваш отец не может так поступить!

— Еще как поступит. Я совершила предательство и заслуживаю наказания, как дезертир, бежавший с поля брани. Вдобавок, я унизила его — а это даже страшнее. Он опозорен, министры этого не забудут. Теперь ему придется действовать, чтобы доказать, что он — сильный правитель. Только так можно спасти подорванный престиж.

Паулине пришлось признать, что я права. С этим было трудно поспорить. С двенадцати лет я как член королевской семьи была обязана присутствовать на казнях изменников. К счастью, такое случалось очень редко: страх перед виселицей останавливал тех, кто иначе, возможно, решился бы на предательство. Но нам с Паулиной была известна печальная история, случившаяся еще до моего рождения: родная сестра отца выбросилась из Восточной башни. Ее сын дезертировал из полка, и она поняла, что это конец — прощения за такой проступок не было даже племяннику короля. Его казнили на следующее утро и похоронили без почестей в безымянной могиле рядом с матерью. Есть вещи, которых Морриган не прощает. Одна из них — измена.

Паулина нахмурилась:

— Но, Лия, вы же не солдат! Вы его дочь. У вас не было выбора, а значит, его не было и у меня. Никого нельзя принуждать к вступлению в брак. — Она откинулась назад, посмотрела

на звезды и поморщилась. — Особенно с какой-то жирной старой развалиной.

Мы расхохотались, и я в который раз обрадовалась, что Паулина рядом со мной. Мы болтали, глядя на мерцающие созвездия, и она рассказывала о своем Микаэле: о нежных словах, которые он ей нашептывал; о клятвах, которые они принесли друг другу; о том, что они будут вместе, когда, вернувшись из дозора в конце месяца, он навсегда оставит королевскую гвардию и выйдет в отставку. Ее глаза светились любовью, и его имя она произносила с особенной интонацией.

Паулине очень не хватало возлюбленного, но девушка не сомневалась, что он сумеет ее отыскать. Они не раз мечтали с ним, как будут жить в Терравине, в домике у моря, с кучей ребятишек. Мне стало тоскливо от ее слов: в отличие от Паулины я не представляла, как сложится моя жизнь в будущем, у нее же был восхитительный план, да еще связанный с реальными местами и людьми. Точнее, с реальным человеком.

Я задумалась: каково это встретить того, кто вот так, до конца, узнает тебя, кто заглянет тебе в душу и одним прикосновением заставит забыть обо всем? Может быть, есть на свете тот, кто захочет провести со мной всю свою жизнь — по своей воле, а *не потому*, что заключен бездушный договор на бумаге.

Паулина пожала мне руку и привстала, чтобы подбросить веток в костер.

— Надо постараться выспаться, на рассвете двинемся дальше.

Она была права: впереди еще неделя пути, и то при условии, что мы не заблудимся. Паулина не была в Терравине с раннего детства и подзабыла дорогу, а я вообще никогда не выезжала к морю и могла рассчитывать лишь на подругу и помощь случайных встречных.

Вытряхнув из волос хвоинки, я расстелила высохшие попоны на земле и кивнула Паулине, чтобы та ложилась. Но она смущенно спросила:

— Вы не против, если я сперва прочту молитвы поминовения? Я тихонько.

— Конечно, читай, — шепнула я, пытаясь показать, что уважаю ее желание, и смущаясь от того, что не разделяла его.

Паулина искренне веровала, я же никогда не скрывала презрения к традициям, диктовавшим, как мне жить. Опустившись на колени, Паулина нараспев произносила слова молитвы: ее голос завораживал, напоминая нежные переливы арфы под сводами храма. Глядя на нее, я поражалась тому, как слепа бывает судьба. Это Паулине следовало бы стать Первой дочерью Морригана, о таком ребенке мечтали мои родители! Кроткая, сдержанная и терпеливая, верная устоям, чистая душой и сердцем, чуткая и проницательная — она во всех отношениях была истинной Первой дочерью, в тысячи раз более достойной дара. Мне никогда не стать такой.

Лежа на спине, я вслушивалась в ее пение, рассказ о первой обладательнице дара богов и основательнице Морригана: после уничтожения она вывела Выживших из разоренных земель, построила новый мир и подарила надежду. В устах Паулины молитва поминовения звучала чарующе и прекрасно. Ее ритм заморозил меня, заставил раствориться во тьме, окутавшей лес, и волшебстве минувших времен. Мелодичные звуки уносили вдаль, к самому началу вселенной, и мне казалось, что я вот-вот найду разгадку тайны мироздания.

Глядя на круг неба над соснами — далекий, недостижимый, сияющий и живой, — я всем своим существом тянулась к его магии. И деревья тянулись навстречу магии, а потом вдруг все разом затрепетали, будто полчище призраков пронеслось по их верхушкам — целый мир, недоступный моему пониманию.

Я припомнила раннее детство. Когда мне не спалось, я поднималась на крышу

цитадели, самое тихое и укромное место, запрокидывала голову к небу и превращалась в крошечную песчинку вселенной. Тогда я тоже чувствовала единение с чем-то, чего не могла назвать.

— Сумей я дотянуться до звезд, все бы узнала. Все поняла, — говорила я.

— Что ты поняла бы, родная? — спрашивала мать.

— Это, — отвечала я, прижимая ладонь к груди. Я не знала, какими словами описать томившую меня боль.

— Нечего тут понимать, милое дитя, это просто ночной холод. — С этими словами мать брала меня на руки и уносила в кровать.

Позже, когда мать поняла, что мои ночные вылазки продолжаются, на двери, ведущей на крышу, появился тяжелый замок. Так меня разлучили со звездами.

Паулина прошептала последние слова молитвы:

— И да будет так во веки веков.

— Во веки веков, — повторила я, пытаюсь представить, сколько же это — во веки веков...

Паулина свернулась калачиком рядом, и мы укрылись моей свадебной накидкой. В наступившей тишине казалось, что лес, осмелев, подступает ближе, приглушая свет костра.

Паулина уснула почти сразу, а во мне бурлили воспоминания о событиях дня. Я была измотана, каждая косточка болела и ныла, а мысли металась беспорядочно, словно несчастный кузнечик под копытами табуна.

Глядя на мерцающие звезды, я утешалась лишь тем, что и принц Дальбрека, скорее всего, тоже не спит. Едет, должно быть, домой по тряской, разбитой дороге, один в неудобной карете, холод ломит старые кости — и нет рядом юной жены, чтобы его согреть.

Глава третья

Принц

Я потуже затянул выюк ремнем. В нем было припасов на две недели, а в кошельке — достаточно монет на случай, если поиски затянутся. Раз-другой, возможно, придется заночевать на постоялом дворе. Впрочем, мне не верилось, что она могла удалиться от цитадели больше, чем на день пути.

— Я не могу тебя так отпустить.

Я улыбнулся Свену.

— Думаешь, у тебя есть выбор?

Перед ним стоял не мальчишка, вверенный его заботам. Я стал взрослым мужчиной, перерос его на два дюйма и на тридцать фунтов, а затаенной злости во мне накопилось столько, что это делало меня грозным соперником.

— Ты все еще злишься. Прошло всего несколько дней. Подожди еще немного.

— Я не злюсь. Скорее, нахожу это забавным. И любопытным.

Свен перехватил поводья моего коня, так что тот шарахнулся.

— Ты сердисься, потому что она проделала это раньше.

Иногда я готов был убить Свена — слишком уж он смышен для простого вояки, покрытого шрамами. Я вырвал у него поводья.

— Меня это только позабавило. И заинтересовало.

— Это ты уже говорил.

— Значит, так и есть.

Я набросил на спину коню подседельник, закрепил и тщательно расправил.

Свен не видел ничего забавного в моем отъезде и все продолжал отговаривать меня, пока я седлал лошадь. Я слушал его вполуха. Все мои мысли были о том, как же это, наверное, прекрасно, *сбежать*. Мой отец отнесся к происшедшему куда серьезнее, чем я сам, усмотрев в этом намеренное оскорбление. *Что это за король, если он не смог уследить за собственной дочерью?*

Они с министрами уже снаряжали отряды для укрепления пограничных гарнизонов, готовясь продемонстрировать Морригану свою военную мощь. Ненадежный союз был расторгнут, но хуже воинственных выпадов, хуже атмосферы всеобщих подозрений были для меня жалостливые взгляды матери. Она уже начала заводить разговоры о том, чтобы подыскать мне новую невесту в одном из Малых королевств или даже из наших собственных знатных семейств — забывая при этом, ради чего все это вообще было затеяно.

Я вскочил в седло. Конь подо мной всхрапнул и ударил копытом — ему, как и мне, не терпелось пуститься в путь.

— погоди! — Свен преградил мне дорогу (сухая глупость для того, кто так хорошо знаком с повадками лошадей, особенно моего жеребца). Опомившись, он посторонился. — Ты ведь даже не знаешь, куда она направилась. Как ты собрался ее искать?

Я удивленно поднял брови.

— Ты не веришь в собственные силы, Свен. Вспомни, у меня был лучший учитель.

Мне показалось, что Свен готов осыпать себя проклятиями. Сколько раз он твердил об этом мне, мальчишке ниже его на две головы! Сколько раз повторял, больно ухватив за ухо,

что мне, счастливицу, достался лучший учитель и я не должен тратить попусту его драгоценное время. Конечно, мы оба понимали злую иронию судьбы. Свен был прав. У меня был лучший учитель. Он хорошо учил меня. Меня отдали ему в обучение восьмилетним щенком, в двенадцать я стал курсантом, в четырнадцать принес присягу, а к шестнадцати был готовым воином. Я провел рядом со Свеном куда больше времени, чем с собственными родителями. Именно ему я был обязан тем, что стал настоящим воином — тем обиднее. Я был, пожалуй, самым необстрелянным, самым невоевавшим воином в мире.

Уроки Свена включали и изучение военной истории королевства — достижений и побед предков — много же их было! Короли Дальбрека, включая моего отца, всегда отличались воинской доблестью. Отец дослужился до генерала, когда трон еще занимал его отец. Мне же — единственному наследнику единственного наследника, о военной карьере нечего было и думать. Случись что, мне на замену не было даже двоюродных братьев. Я участвовал в кампаниях, но на передовую меня не допускали — в лучшем случае я добирался до поля, когда шум битвы уже давно затих, но даже при этом меня всегда окружал целый взвод, готовый защитить от любой неожиданности.

А чтобы никому и в голову не пришло счесть меня любимчиком, Свен вечно нагружал меня самой грязной и тяжелой работой. Я безропотно чистил денники в конюшне, драил до блеска его сапоги, выносил убитых с поля. Я никогда не замечал презрения на лицах однополчан, зато не раз ловил на себе сочувственные взгляды. Солдат, ни разу не бывавший в бою, это не солдат вовсе, как бы хорошо его ни обучили.

Свен, оседлав своего коня, ехал рядом — я знал, что долго бушевать он не станет. Да, он бурно выразил мне недовольство — к этому его призывал долг, но и крепкая дружба, выкованная за долгие годы, также налагала на него свои обязательства.

— Как я буду узнавать, где ты?

— А ты и не узнаешь. В этом весь смысл, забыл?

— А что я скажу твоим родителям?

— Скажи, что я отправился на все лето в охотничий домик, чтобы грустить в уединении. Им это понравится. Уютное безопасное место.

— На все лето?

— Посмотрим.

— А если что-то случится?

— Может, и случится. Я на это надеюсь. Тебе от этого не легче, верно?

Искоса я наблюдал за Свеном. Он осматривал мое снаряжение — верный знак того, что он смирился с моим отъездом. Не будь я наследником престола, мой учитель не сомневался бы ни минуты. Он отлично знал, что подготовил меня к любым испытаниям. Я не раз доказывал ему, на что способен — по крайней мере, в учебных боях. Свен неохотно хмыкнул, одобряя мою экипировку. Впереди лежал узкий овраг, где двум лошадям было не проехать — здесь нам надо было попрощаться. Дело шло к вечеру.

— Ты выскажешь ей свое неудовольствие?

— Нет. Вряд ли я вообще удостою ее разговора.

— Это правильно, лучше тебе не вступать с ней в беседу. А если придется, следи за произношением. Твои «Р» и «Л» выдадут уроженца Дальбрека.

— Я об этом подумал, — заявил я, желая показать, что предусмотрел все. На самом деле эта мелочь не пришла мне в голову.

— Если нужно будет отправить мне послание, пиши на старом языке — на случай

перехвата.

— Я не буду писать.

— Ни в коем случае не открывай ей, кто ты. Глава королевства Дальбрек, рыскающий по земле Морригана... в этом могут усмотреть вооруженную агрессию.

— Не путай меня с моим отцом, Свен. Я не глава королевства.

— Ты наследник престола, представитель своего отца. Не осложняй положение Дальбрека и своих однополчан.

Мы продолжали путь в тишине.

Почему я еду? Ведь я не собираюсь возвращать ее обратно, даже не хочу с ней разговаривать! Я знал, что эти мысли вертятся в голове у Свена, но все было не так, как ему представлялось. Я не сердился из-за того, что она опередила меня, первой замыслив побег. Я думал о побеге уже давно, с того момента, когда отец впервые заговорил со мной о женитьбе, но он уговорил меня, что этот брак принесет благо Дальбреку, а если я на другой же день заведу себе фаворитку, на это посмотрят сквозь пальцы. Я злился, потому что ей хватило смелости осуществить то, на что я так и не решился. Что же это за девчонка, которая, наплевав на два королевства, поступила по-своему? Мне хотелось понять.

Когда подъехали к оврагу, Свен нарушил молчание.

— Это из-за того письма, угадал?

За месяц до свадьбы Свен доставил мне письмо, а точнее, записку от принцессы. Тайную записку. Свен передал мне ее запечатанной. Он не видел и не читал ее. А я прочел и не обратил внимания. А следовало бы.

— Нет, я еду не из-за письма, — я натянул поводья и, остановившись, посмотрел ему прямо в глаза. — Ты ведь знаешь, Свен, принцесса Арабелла здесь вообще ни при чем.

Мой учитель кивнул. После долгой паузы. Потом потрепал меня по плечу и, не проронив ни слова, развернул коня в сторону Дальбрека. Я поскакал вдоль оврага, но через несколько миль достал письмо из внутреннего кармана куртки. Я всматривался в торопливый небрежный почерк. Вот уж не похоже на королевское послание.

Я бы предпочла рассмотреть вас до нашей свадьбы.

Я снова сунул записку в карман.

Так и будет.

Глава четвертая

Убийца

*Есть одно истинное прошлое
И одно истинное будущее.
Слушай внимательно,
Ибо дитя, прошедшее путь страданий,
Станет тем, кто несет надежду.
От слабейшего придет сила.
От преследуемого придет свобода.*

— *Песнь Венды*

«Я с радостью сделал бы это сам, но должен вернуться к своим обязанностям в Венде. Ты обернешься за день. В конце концов, это всего-навсего принцесса. Сам знаешь, чего они стоят. К тому же, ей всего семнадцать. Трудно ли будет тебе ее отыскать?»

Я тогда улыбнулся презрению Комизара к особам королевской крови и промолчал: ответа не требовалось. Мы оба понимали, что это будет нетрудно. Перепуганная дичь не думает о том, чтобы замечать следы. Комизар много раз выполнял такую работу. Он был моим учителем.

«Если это так просто, почему мне нельзя?» — ныл Эбен.

«Это работа не для тебя», — отвечал я. Эбену не терпелось себя показать. Он неплохо владел ножом, и язык у него был хорошо подвешен. Юркий, небольшого роста, он в свои двенадцать лет казался совсем малышом: брови домиком, ангельское личико — мальчишка не внушал подозрений. Но это не одно и то же: убивать в бою или перерезать глотку спящей девушке. К этому Эбен не был готов. Он мог заколебаться, встретив ее испуганный взгляд. Трудный момент, а колебаться нельзя. Второго шанса не представится. Комизар выразился очень ясно.

«Альянс между Морриганом и Дальбреком может свести на нет все наши усилия. Хуже того, поговаривают, будто девчонка — сиарра. Мы с вами не верим в эти магические рассказы, но верят другие, и это может придать им сил или вселить ужас в наш народ. Медлить нельзя. Для них ее побег несчастье, а для нас — нежданная удача. Незаметно подкрасться, незаметно уйти — в этом ты мастер. А если сумеешь обставить это как дело рук Дальбрека, еще лучше. Я уверен, ты справишься. Как всегда».

Да, я всегда справлялся с заданиями. Далеко впереди тропа раздваивалась, и Эбен решил в последний раз попытать счастья. «Я все равно не понимаю, почему идет он, а не я. Язык я знаю не хуже».

«И все диалекты Морригана тоже?» — поинтересовался я.

Ответить мальчишка не успел — к нам подъехал Гриз и отвесил ему подзатыльник. Эбен взвыл, а остальные загоготали. «Комизар хочет, чтобы на дело шел он, а не ты! — выкрикнул Гриз. — И хватит скулить!» Эбен больше ни разу не подал голоса.

Мы доехали до развилки. Отсюда наши пути расходились. У Гриза и трех его молодцов были свои задачи. Они направлялись к самым северным районам Морригана, куда

королевство необдуманно стянуло свои военные силы. Группе Гриза предстояло устроить там особую заварушку. Не такую кровавую, как мне, но не менее важную. Их работа должна была занять намного больше времени, а это значило, что меня ждут «каникулы» — так Гриз называл время, пока я буду «прохлаждаться», ожидая их в назначенном месте в Кам-Ланто. Откуда нам предстояло вместе вернуться в Венду. Впрочем, он, как и я, понимал: в Кам-Ланто беззаботных каникул не жди.

Я смотрел, как они едут по своей дороге, Эбен уныло сторбился в седле.

«Это работа не для тебя».

Неужели я вот так же лез из кожи вон, чтобы понравиться Комизару, когда был таким же мальчишкой, как Эбен?

Да.

Совсем немного лет прошло, но казалось, что с тех пор миновало две жизни.

Сам Комизар — а он старше меня на какую-то дюжину лет, не больше — был совсем юнцом, когда начал править Вендой. Тогда он и взял меня под свою защиту, спас от голода и вытащил из таких передряг, о которых я постарался забыть. Он дал мне то, чего не дал мой король. Надежду. Я навсегда был у него в долгу. Бывают такие долги, за которые никогда не расплатиться полностью.

Но то, что мне предстояло, было внове даже для меня. Не скажу, что мне не доводилось перерезать глотки под покровом ночи. Но то были глотки воинов, изменников или шпионов, и я знал: лишая их жизни, я спасаю от смерти своих товарищей. И все равно, каждый раз, как мой клинок скользил по горлу, их обезумевшие от страха глаза похищали частицу моей души.

Я бы и сам отвесил Эбену оплеуху, заведи он этот разговор снова. Слишком он молод, чтобы начинать терять себя.

Незаметно подкрасться, незаметно уйти. А потом — каникулы.

*Они возомнили, что
не уступают богам,
они гордились властью над небом и землей.
Они были сильны своими познаниями,
но слабы мудростью,
они жаждали все больше власти,
сокрушая беззащитных.*

— *Священное писание Морригана, том IV*

Терравин за следующим поворотом — твердила Паулина. Она повторила это раз десять, не меньше. Ее радостное возбуждение передалось и мне, когда она в самом деле начала узнавать местность. Мы миновали громадное дерево с множеством вырезанных на коре имен любовников, а проехав еще немного, оказались у развалин. Остатки полукруглой мраморной колоннады напомнили мне беззубый рот старика. Далеко впереди виднелся холм, вершину которого венчал сверкающий синий резервуар в окружении можжевельниковых кустов. По этим знакам Паулина определила, что мы почти у цели.

Мы были в пути уже десять дней и могли бы доехать сюда быстрее, но два дня петляли, чтобы запутать преследователей — на случай, если отец пустил ищеек по нашему следу.

Онемевшая Паулина смотрела, как я, свернув потуже свадебное платье, зашвырнула его в самую гущу зарослей ежевики. Она только ахнула, когда я, срезав кинжалом драгоценные камни с накидки, намотала ткань на деревяшку и решительно бросила в реку. Если накидку найдут и опознают, то могут решить, что я утонула. При мысли о том, что будет с родителями, когда им принесут эту страшную весть, я чуть было не раскаялась в содеянном — но потом вспомнила, что они хотели не просто отдать единственную дочь замуж за нелюбимого, но и отправить жить в незнакомую, вчера еще враждебную страну. Проглотив комок, вставший в горле от незаслуженной обиды, я молча проводила взглядом уплывающую накидку, которую надевали в день свадьбы моя мать, бабушка, прабабушка и их матери.

Часть камней мы продали в Луизвеке, большом городе далеко в стороне от нашего пути — накинув сверху три синих сапфира, чтобы торговец забыл, что видел нас. Было так приятно чувствовать себя дерзкими преступницами, что, выехав снова на большую дорогу, мы расхохотались от восторга. Торговец поглядывал на нас недоверчиво, как на воровок, но не сказал ни слова, слишком выгоден был обмен.

Мы повернули назад, проехали несколько миль по дороге и снова свернули на восток. На окраине деревушки мы нашли стоящий особняком дом и обменяли наших великолепных скакунов на трех осликов. Остолбеневший крестьянин получил еще несколько монет за молчание.

Две девушки, прибывшие в Терравин на чистокровных морриганских лошадях, сразу привлекли бы внимание, в котором мы не нуждались. Третий осел не был нам нужен, но крестьянин настаивал — ослики неразлучны, без двух братьев третий пропадет. И правда, ослик потрусил за нами даже без привязи. Крестьянин назвал их Отто, Нове и Дъечи. Я

оседлала Отто, самого крупного, бурого, с белой мордой и забавным длинным хохолком между ушами. За эти дни наша одежда истрепалась и покрылась дорожной пылью, а сапоги из мягкой кожи покрылись комьями грязи — неплохая маскировка. Вряд ли нас будут долго разыскивать, а я только и мечтала, чтобы нас оставили в покое. Мечта о Терравине вот-вот должна была сбыться.

Мы были уже совсем рядом, я это знала. В воздухе, в солнечном свете появилось что-то неуловимое, теплое, будто ласковый голос. *Дом. Дом.* Глупость, конечно. Терравин никогда не был мне домом, но как знать, возможно, он станет им.

Ехать оставалось совсем немного, когда вдруг я испуганно вздрогнула, услышав странный звук позади нас — уж не грохот ли копыт? Как ищейки отца обойдутся со мной, меня не волновало — но вот что они сделают с Паулиной? Если нас поймают, я скажу им, что заставила служанку бежать со мной против ее воли — так я решила с самого начала. Оставалось убедить Паулину придерживаться той же версии — в высшей степени правдивой.

— Там! Смотри же! За деревьями! — закричала Паулина, показывая вдаль. — Блестящее, синее! Это Терравинский залив!

Я вытянула шею, но ничего не смогла различить, кроме величественных сосен, поросли молодых дубов, да выжженной травы на холмах. В нетерпении я принялась подгонять Отто — забыв, что это животное невозможно заставить двигаться быстрее. Наконец, за поворотом дороги нам открылся вид не только на залив, но и на весь Терравин — большое рыбацкое поселение.

Все было в точности, как описывала Паулина.

У меня перехватило дыхание.

Аквамариновый полукруг залива, на воде покачиваются красные и желтые лодки, одни под белыми парусами, другие с большими гребными колесами, поднимающими бурун за кормой. Были и такие, у которых вода пенилась по бокам, от двух рядов весел. С расстояния они казались детскими игрушками. Но я знала, ими управляют люди, рыбаки громко перекликались, хвалились уловом, ветер доносил их голоса, разделял их радость, дышал их историями. Кое-кто из них направлялся к длинному причалу на берегу, по которому муравьями деловито сновали человеческие фигурки. Но самым изумительным были, пожалуй, дома, что окружали залив и карабкались в гору: лазурные, вишнево-красные, апельсиново-оранжевые, сиреневые, цвета лайма — гигантская фруктовая ваза с Терравинским заливом в центре да темно-зеленые пальцы леса, опускающиеся с гор, чтобы удержат все это щедрое разноцветье.

Теперь я понимала, почему Паулина всегда мечтала вернуться в родные края, откуда ее увезли после смерти матери. Девочку отправили к дальней тетушке в северные пределы, а потом, когда та слегла, передали на воспитание еще одной родственнице, с которой они даже не были знакомы — камеристке моей матушки. Паулина была чужой в нашей стране, но у нее хотя бы оставались корни и место, куда можно вернуться. Место, которое — я поняла это сразу же — могло стать домом и для меня, место, где о бремени моего положения никто не знал. В груди шевельнулась неожиданная радость. *Вот бы мой брат Брин оказался сейчас здесь, с нами.* Он любил море.

Голос Паулины отвлек меня от раздумий.

— Что случилось? Вы не проронили ни слова. О чем вы задумались?

Я отвернулась, чтобы скрыть слезы на глазах.

— Я думаю... если мы поторопимся, то сможем искупаться до ужина. — Я хлопнула

Отто по спине. — А ну, кто первый!

Паулина не собиралась уступать, она принялась криками и тычками подгонять своего осла и вскоре обогнала меня.

Однако, выехав на главную улицу городка, мы притихли. Забрав волосы под шапки, мы надвинули их на самые брови. Терравин мал и расположен в захолустье, но все же и там могли оказать королевские гвардейцы — или сыщики. Я опустила голову пониже, но это не мешало мне восторгаться. Звуки! Запахи! Даже цокот ослиных копыт по мостовым из терракотовых плит казался мне чудесной музыкой. Все было другое, ничто не напоминало Сивику.

Мы миновали площадь, всю в тени громадной смоковницы. Под исполинским зонтом ее кроны резвились дети, музыканты играли на флейте и гармонике, а за столиками, поставленными вокруг ствола, мирно беседовали горожане.

Чем ближе к центру городка, тем живее кипела торговля. Здесь полощется на ветру настоящая радуга платков и шарфов, там, радуя глаз, красуются горы глянцевого баклажанов, аккуратными рядами уложены полосатые тыквы, кружевной фенхель, круглые румяные репки. Даже скобяная лавка была выкрашена жизнерадостной голубой краской. Приглушенных, мрачных тонов, столь обычных в Сивике, не было вовсе — здесь цвета ликовали и пели.

На нас никто не смотрел, и мы смешались с толпой прохожих — два человека возвращаются после трудового дня в доках, а может, просто усталые путники в поисках постоянного двора. В брюках и шапках мы ходили на тщедушных пареньков. Разглядывая город, о котором столько слышала от Паулины, я невольно улыбалась, но улыбка сошла с лица, стоило мне заметить троих конных гвардейцев, ехавших нам навстречу. Паулина тоже увидела опасность и натянула было поводья, но я прошипела: «Езжай как ехала. Только опусти голову».

Ни живы, ни мертвы, мы продолжили путь. Солдаты хохотали, шутили друг с другом, их кони двигались спокойным шагом. Позади катилась повозка с еще одним гвардейцем на козлах.

Солдаты проехали, не взглянув на нас, и у Паулины вырвался облегченный вздох:

— Уф, я забыла. Вяленая и копченая рыба. Каждый месяц они приезжают, чтобы пополнить запасы для восточного гарнизона.

— Только один раз в месяц? — уточнила я.

— Так мне помнится.

— Это удачно для нас. Теперь мы долго о них не услышим. Да к тому же никто из них не знает меня в лицо.

Паулина бросила на меня взгляд и поморщила нос:

— В таком виде вас все равно никто не признает, ну разве что морриганские поросята.

Словно поняв, о чем идет речь, Отто вдруг решительно свернул к морю, и мы, хохоча, наперегонки побежали купаться.

* * *

Паулина постучала, и низкая дверь постоянного двора распахнулась настежь, женщина приветственно махнула пухлой рукой и тут же скрылась в доме, крикнув через плечо:

«Положите там! На сундук!» Сама она уже хлопотала у огромной каменной печи, деревянной лопатой вынимая испеченные караваи. Мы с Паулиной замерли на пороге, и это, наконец, привлекло внимание женщины.

— Я же сказала... — начала она. — Гм. Вы разве не рыбу принесли? Побирушки, что ли?

Женщина ткнула в сторону корзины.

— Берите по яблоку и по лепешке, да идите своей дорогой. А как схлынет народ, зайдите. Оставляю вам горячей похлебки.

Она тут же на что-то отвлеклась, громко позвала кого-то. Вошел высокий угловатый парнишка. В руках у него был сверток из мешковины, из которого торчал хвост крупной живой рыбины.

— Голова садовая! Где моя треска? Прикажешь мне готовить похлебку из костлявого окуня?

Она вырвала рыбину из рук подростка, бросила ее на колоду для рубки мяса и одним решительным движением топора отсекла ей голову. Видимо, решила я, окунь все-таки пойдет в дело.

Так вот она какая, Берди. Амита Паулины. Ее тетушка. Но не по крови — эта женщина дала матери Паулины работу и кров, когда та, овдовев, осталась без гроша с младенцем на руках.

В считанные секунды рыбина была искусно выпотрошена, избавлена от костей и брошена в кипящий котел. Вытирая о передник сырые руки, Берди снова обратила внимание на нас и вопросительно вздернула одну бровь. Смахнув со лба седой — соль с перцем — завиток, она проворчала:

— Вы еще здесь? Я ведь, кажется, сказала...

Паулина шагнула вперед, сдернула с голову картуз, и ее длинные золотистые волосы рассыпались по плечам.

— Амита?

Женщина застыла. Потом сделала неуверенный шаг и прошептала:

— Малышка Полли?

Паулина кивнула.

Берди распахнула объятия и крепко прижала Паулину к груди. После долгих причитаний и восклицаний Паулина, наконец, высвободилась и повернулась ко мне.

— А это моя подруга, Лия. Боюсь, мы с ней попали в переплет.

Берди округлила глаза, усмехнулась.

— Что бы там ни было, а горячая ванна и сытный обед вам не повредят.

Она пулей устремилась к откидной дверце, рывком распахнула ее и, сунув голову, прокричала: «Гвинет! Я ушла ненадолго. Пусть Энцо тебе поможет!»

Раньше, чем дверца закрылась, я успела увидеть женщину неопределенного возраста, изрядно располневшую от собственной готовки, но шуструю и проворную. Из зала за кухней доносился гул голосов и звон тарелок. Не обращая на это внимания, Берди проводила нас к черному выходу.

— Что за неслух этот Энцо — и ведь способный парень, но уж такой ленивый, ему бы только спать целый день. Весь в своего малахольного папашу. Но мы с Гвинет его воспитываем. Выправится. А то ведь помощников нынче днем с огнем не найти.

Следом за ней мы поднялись по щербатым каменным ступенькам, вырубленным в скале

прямо за постоялым двором, а потом спустились по извилистой, усталой листьями тропке к темному дому, стоявшему поодаль. Сразу за ним начинался лес. Берди взмахом указала на большую металлическую бочку, стоящую на сложенном из кирпичей очаге.

— Он хотя бы не забывает поддерживать огонь, чтобы гости могли помыться в горячей воде, а вам это сейчас нужнее всего, с дороги-то.

Я слышала доносящееся откуда-то из лесу нежное журчание и вспомнила ручей, который описывала Паулина. На его берегах она резвилась и играла с матерью, бросая камушки в прозрачную воду.

Берди отвела нас в дом, извинилась за пыль и беспорядок, объяснив, что протекает крыша, так что комната сдается в крайних случаях, при наплыве постояльцев — а сейчас как раз такой случай. Постоялый двор полон, остается только сарай. Берди зажгла светильник и вытащила из угла на середину комнаты большую медную лохань. Подолом передника она утерла пот со лба — впервые выдав свою усталость.

— Ну, что же за неприятности у вас, таких молоденьких? — внимательный глаз ощупал наши животы. — Уж не от *парней* ли?

Паулина вспыхнула.

— Нет, Амига, ничего подобного. Да это и не неприятность, вообще-то. Во всяком случае, ничего страшного.

— Собственно говоря, неприятность у меня, — я выступила вперед и впервые подала голос. — А Паулина мне помогает.

— О. Надо же, ты все-таки умеешь говорить.

— Может, вам лучше присесть...

— Давай, Лия. Лия, верно? Говори смелее — чего я только не слыхала на своем веку.

Берди присела на край лохани, с ведром в руке, готовая услышать мои скорые объяснения. Я решила дать их ей.

— Все верно, Лия. Принцесса Арабелла Селестина Идрис Джебелия, Первая дочь дома Морриган, если быть точной.

— Ее королевское высочество, — пискнула Паулина.

— *Была* ее королевским высочеством, — поправила я.

Берди склонила голову набок, словно не была уверена, что расслышала правильно. Потом краска сбежала с ее лица. Не сводя с меня глаз, она нащупала кроватный столбик и грузно опустилась на матрас.

— Что все это значит?

Мы с Паулиной принялись сбивчиво рассказывать. Берди не произнесла ни слова, что, как мне показалось, было ей несвойственно, и было заметно, как от ее молчания усиливается тревога Паулины.

Когда все было сказано, я шагнула к Берди.

— Мы уверены, погони за нами не было. Я немного умею замечать следы. Мой брат — опытный лазутчик в королевской гвардии. Но если мое присутствие доставляет вам неудобства, я уйду.

Берди продолжала сидеть молча, как будто пытаюсь до конца осознать услышанное, одна ее бровь вопросительно выгнулась. Наконец, женщина поднялась.

— Прялки-моталки, да уж конечно, ваше присутствие доставляет мне неудобство! Но разве я сказала хоть слово о том, что вам надо уйти? Вы останетесь, прямо в этой комнате. Обе. Но я не могу обещать...

Я оборвала ее на полуслове, догадавшись, о чем пойдет речь.

— Мне не нужно никакого особого внимания. Я пришла сюда, потому что хотела настоящей жизни. А это подразумевает, что я собираюсь зарабатывать на жизнь, сама. Дайте мне любую работу, я с радостью возьмусь за нее.

Берди кивнула.

— Это мы обсудим позже. А сейчас вам обоим нужно искупаться и поесть. — Она поморщилась. — Именно в таком порядке.

— Еще одно, — я расстегнула рубашку и, повернувшись, спустила ее до пояса. При виде моей изысканной свадебной кавы Берди сдавленно ахнула. — Мне нужно вывести это со спины как можно скорее.

Я услышала сзади шаги и почувствовала осторожное прикосновение.

— Обычные кавы держатся две-три недели, но такая... это может занять больше времени.

— Они пригласили лучших мастеров и использовали лучшие красители.

— Нужно каждый день принимать ванну, — посоветовала Берди. — А я дам тебе жесткую щетку и хорошее мыло.

Я поблагодарила ее и натянула рубашку. Обнявшись с Берди на прощание, Паулина затворила дверь и подняла ведро с пола.

— Вначале вы, ваше высочество...

— Прекрати! — Я вырвала у нее ведро. — С этого дня я больше не «ваше высочество». Эта часть моей жизни ушла навеки. Отныне я просто Лия, и ты говоришь мне «ты». Ты поняла, Паулина?

Наши глаза встретились. Вот оно. Мы обе поняли, что сейчас задуманный нами план начал приходить в действие. На этот план мы обе возлагали надежды, но никогда до конца не верили, что сможем его осуществить. И вот — свершилось. Паулина улыбнулась и кивнула.

— И ты идешь купаться первая, — прибавила я.

Паулина распаковывала наши вещи, а я тем временем бегала с ведром за водой и наполняла медную лохань. Потом я терла спину Паулине так же, как она столько раз терла мою. Когда, наконец, она опустилась в воду, глаза у нее слипались от усталости. Я решила, что лучше схожу искупаться на ручей — пусть Паулина не торопится и наслаждается мытьем, сколько хочет. Мне никогда не отблагодарить сполна ее за все, что она для меня сделала. Этот небольшой знак внимания — единственное, что я могла предложить ей сейчас.

После слабой попытки воспротивиться Паулина все же рассказала мне, как пройти к ручью, велев держаться на мелководе. Она объяснила, как отыскать маленькую укромную заводь в зарослях кустарника. Я дважды повторила, что обещаю быть очень осмотрительной — хотя, по словам самой же Паулины, она ни разу не видела там ни души. Я не сомневалась, что в час обеда буду там одна.

Найдя заводь, я не мешкая сбросила грязную одежду на траву, рядом с чистой сменой. Окунулась, слегка поевжившись, хотя вода была не в пример теплее, чем в реках Сивики. Окунувшись с головой, я вынырнула и набрала полную грудь воздуха — воздуха свободы, каким никогда не дышала прежде.

Отныне я просто Лия. С этого дня и навсегда.

Это было сродни крещению — очищение, глубокое, полное. Вода стекала по лицу, капала с подбородка. Терравин был не просто новым домом. Это мог предложить мне и Дальбрек, но к нему я испытывала бы простой интерес, как к любой незнакомой стране,

никак и ничем не отозвавшейся в моей собственной судьбе. Терравин же сулил мне новую жизнь. Это было захватывающе интересно и вместе с тем страшило. Что если я никогда больше не увижу братьев? Что если и эта жизнь не сложится? Но все, что я видела вокруг, вдохновляло меня, даже ворчунья Берди. Так или иначе, я добьюсь, чтобы эта новая жизнь принесла мне счастье.

Ручей оказался шире, чем я представляла, но, помня о своем обещании Паулине, я послушно держалась на мелководье. Заводь была тихая и чистая, с дном из крупной речной гальки, вода едва доходила мне до плеч. Я, покачиваясь, лежала на спине, рассеянно блуждая взглядом по филигранному пологу из дубовых и сосновых ветвей. Опускались сумерки, тени становились все глубже. В домах на склоне горы загорались огни, теплый золотистый свет пробивался меж стволов, Терравин готовился к вечернему поминанию. Я с удивлением поймала себя на том, что напряженно прислушиваюсь, ожидая услышать песнопения, которые вечером поются по всему Морригану. Впрочем, вечерний ветерок доносил издалека лишь обрывки мелодии.

Я тебя разыщу...

В самом дальнем краю...

Я замерла, склонив голову набок, вслушиваясь. Слова обжигали, они звучали пылко, напористо, совсем не так, как священные поминовения там, дома. Я не могла определить, откуда этот текст, но Священное писание велико.

Мелодия затихла, унесенная порывом прохладного ветра, теперь был слышен только звук, с которым я ожесточенно скребла себе спину полученной от Берди щеткой. Левое плечо там, где на рисунок попало мыло, сильно щипало — словно между мылом и свадебной кавой разыгралось сражение. Я представляла себе, как с каждым движением щетки дальбрекский лев в ужасе съеживается, чтобы вскоре исчезнуть из моей жизни навек.

Я наскоро окунулась еще раз, смывая мыльные хлопья, покрутилась, пытаюсь рассмотреть униженного льва, но тот малый участок кавы, который мне удалось увидеть в тусклом свете — лоза, обвивающая львиные когти у меня на плече — ничуть не поблек и предстал в прежнем великолепии. Десять дней назад я похвалила мастеров. Сегодня я была готова их убить.

Вдруг послышался треск.

Я бросилась в воду и резко обернулась, готовая встретить незваного гостя лицом к лицу.

— Кто здесь? — окрикнула я.

Никто не ответил, только шелестела листва на деревьях. Может, это голубь? Но куда же он делся так быстро? Я пригляделась к теням, но не увидела движения.

— Наверное, просто хрустнула ветка, — успокаивала я себя. — Какой-нибудь мелкий зверек мог ее задеть.

Или, может быть, просто наш постоялец, выйдя прогуляться, случайно набрел на меня? Я заулыбалась при мысли, что он и сам, должно быть, испугался не меньше моего (и не успел рассмотреть мою спину, как я надеялась). Кавы — знак высокого положения и власти, а эта, если хорошенько приглядеться, явно принадлежала особе монаршей крови.

Я робко выбралась на берег, поскорее натянула чистую одежду и тут заметила небольшого серого кролика, бросившегося удирать в заросли. У меня вырвался облегченный

ВЗДОХ.

Всего лишь зверек. Как я и думала.

Глава шестая

Продержав нас взаперти три дня, Берди, наконец, ослабила хватку, поверив, что мы не солгали. Погони за нами не было. Ей необходимо заботиться о постоялом дворе, повторяла Берди, так что неприятности с властями ей не нужны — хотя я не могла себе представить, чтобы в такой глуши, как Терравин, кто-то мог обратить на нас внимание. Постепенно она давала нам все больше свободы, позволяя делать короткие вылазки — за корицей в лавку пряностей, на базар за бечевкой, на мыловарню за мылом для постояльцев.

У меня до сих пор оставались споротые со свадебной накидки камни, и я могла оплатить ими лучший номер на постоялом дворе, но стать здесь гостьей мне хотелось меньше всего. Я рвалась к обычной жизни, хотела участвовать во всем наравне с другими, а не быть чужачкой, торгующей своим прошлым. Драгоценности, завернутые в узелок, лежали в комнатухе, куда нас поселили.

Прогулки по центру Терравина напоминали мне о беззаботных деньках, когда мы с братьями носились по улицам Сивики, хохоча, дурачась и радуясь жизни — пока родители не приняли решение ограничить мою свободу. Теперь по улицам шли мы с Паулиной. Мы с ней сблизилась еще сильнее. Она стала мне сестрой, которой у меня никогда прежде не было. Мы могли позволить себе то, что протокол в Сивике решительно не одобрил бы.

Паулина без устали рассказывала мне о своем Микаэле, и мне все сильнее хотелось, чтобы их любовь преодолела расстояние и время, разделяющие ее и Микаэля. Когда она снова и снова говорила, что любимый найдет ее, я охотно верила. Ее сияющие глаза каким-то образом убеждали меня в преданности ее избранника, к тому же, без всякого сомнения, Паулина была достойна самой верной любви. А достойна ли я?

— Он был первым, с кем ты целовалась? — спросила я.

— А кто сказал, что мы целовались? — лукаво прищурилась Паулина. Мы дружно рассмеялись. Девицам при дворе короля не сошло бы с рук такое неподобающее поведение.

— Ну хорошо, а если бы вы целовались, как ты думаешь, на что похожи поцелуи?

— О, они, должно быть, слаще меда... — Паулина стала обмахиваться, словно воспоминания вскружили ей голову. — Да, мне кажется, это было бы очень, очень приятно, *если бы* я его поцеловала.

Я вздохнула.

— Что за вздохи? Уж ты-то все знаешь о поцелуях, Лия. Ты целовалась с половиной мальчиков в округе.

Я только руками всплеснула.

— Это не считается, Паулина! Мне тогда было тринадцать лет. И мы просто-напросто играли. А как только до мальчиков дошло, что приближаться к королевской дочери небезопасно, ко мне больше ни один не подошел. Так что я уже давным-давно одна.

— А как же Чарльз? Прошлым летом он вертел за тобой головой, как подсолнух. Глаз с тебя не сводил.

Я мотнула головой.

— Только смотрел. А когда я приперла его к стене на последнем празднике урожая, он дал стрекача, как испуганный кролик. Очевидно, его мама и папа предупредили, чтобы не смел ко мне приближаться.

— С тобой, оказывается, опасно иметь дело? — поддразнила Паулина.

— Еще как, — в тон ответила я и потрогала кинжал, спрятанный под корсажем.

Паулина хмыкнула.

— Видимо, Чарльз испугался, что из-за поцелуя украдкой ты втянешь его в дворцовый переворот, как тогда.

Надо же — я уже успела позабыть о своем коротком мятеже — уж очень быстро его подавили. Когда лорд-канцлер и придворный книжник решили добавить всем школьникам в Сивике дополнительный час ежедневно на изучение Священного писания, я взбунтовалась. Мы и так уже мучались по два часа в неделю, зазубривая бессвязные отрывки, не имевшие для нас никакого смысла. О дополнительном часе ежедневно, на мой взгляд, не могло быть и речи. В мои четырнадцать лет, мне было чем заняться — и, как оказалось, многие придерживались того же мнения. У меня были сторонники! Я возглавила восстание, притащила всех бунтовщиков в Зал церемоний и прервала важное заседание кабинета министров, на которое в тот день собрались лорды со всего королевства. Я потребовала отмены решения, пригрозив, что иначе мы вообще не станем ходить в школу. Возможно, заявила я, мы сделаем даже кое-что похуже.

Отца и вице-регента все это поначалу лишь повеселило, зато лорд-канцлер и королевский книжник пришли в неистовство. Я ловила на себе их негодующие взгляды. Когда отец отсмеялся, меня на месяц заперли в моей спальне, прочие повстанцы-школяры тоже были наказаны, хотя и не так строго. Мой бунт был подавлен в самом зародыше, решение отменено не было, но мою отчаянную дерзость долго еще обсуждали шепотом. Одни называли меня бесстрашной, другие глупой. Так или иначе, многие министры с той поры поглядывали на меня с опаской, а значит, месяц заточения в комнате окупил себя в полной мере. Приблизительно тогда каждый мой шаг стали жестко контролировать. Мать долгими часами обучала меня царственным манерам и придворному этикету.

— Бедняжка Чарльз. Твой отец и правда с ним что-нибудь сотворил бы, даже за один поцелуй?

Я пожалала плечами. Этого никто не мог знать. Но репутация короля была достаточно устрашающей, чтобы все мальчики держались от меня на безопасном расстоянии.

— Не огорчайся. Придет и твое время, — уверила Паулина.

Да. *Придет.* Я улыбнулась. Теперь я сама была хозяйкой своей судьбы — я, а не клочок бумаги, обручивший меня с морщинистым принцем. Я, наконец, освободилась от всего этого. Я ускорила шаг, размахивая корзиной с сырами. На сей раз я вздохнула с удовлетворением. Сейчас больше чем когда-либо, я была уверена, что правильно поступила, совершив побег.

До самого постоянного двора мы шли в тишине, каждая размышляла о своем — нам было так же хорошо молчать вместе, как и болтать друг с другом. Донесшиеся издали звуки поминовения застали меня врасплох — странно было слышать молитву утром, но, может быть, в Терравине свои традиции. Паулина же так погрузилась в свои мысли, что, казалось, ничего не слышала.

Я тебя разыщу...

В самом дальнем краю...

Я тебя разыщу.

Сдавшись под натиском наших уговоров, Берди, наконец, стала поручать нам и другую работу помимо вылазок за покупками. Я старалась изо всех сил, не желая прослыть бесполезной неумехой и белоручкой, хотя, говоря по правде, на кухне от меня было мало толку. В цитадели меня близко не подпускали к буфетной, не позволяли дотронуться даже до овощечистки. Я в жизни не крошила лук, но понадеялась на то, что сноровка в обращении с кинжалом поможет мне справиться с таким простым заданием.

Однако я ошибалась.

Спасибо еще, что никто не поднял меня на смех, когда скользкая белая луковица пулей пролетела через всю кухню и ударила Берди пониже спины. Та, не моргнув глазом, подняла снаряд с пола, ополоснула в корыте и перебросила мне. Мне удалось одной рукой поймать и удержать предательницу, удостоившись кивка от Берди, который принес мне огромную радость (в чем я никому не призналась).

У Берди все было устроено просто, без каких-либо излишеств, и вскоре после резки овощей нам доверили прибираться в комнатах для гостей. Всего комнат было шесть, не считая нашего домика с протекающей крышей и бани для постояльцев.

По утрам Паулина и я подметали и мыли полы в незанятых комнатах, взбивали тощие матрасы, расстилали на прикроватных столиках чистые салфетки, а под конец раскладывали веточки пижмы на подоконниках и матрасах, чтобы отпугнуть насекомых и паразитов — особенно тех, кто прибывал сюда вместе с путниками. Номера были обставлены просто, но уютно, запах пижмы радовал, а поскольку комнаты обычно не пустовали, работа занимала всего несколько минут. Однажды Паулина засмотрелась на то, с каким рвением я исполняю свои нехитрые обязанности. «Вот бы тебя допустили к этой работе дома, в цитадели. Там всегда было много невымытых полов».

Как мне хотелось, чтобы мне позволили выбирать, чем заняться. Как я жаждала, чтобы родители поняли: меня замучили бесконечные уроки того, что, по их мнению, подобало знать дочери короля, а у меня совсем другие интересы. Попытки обучить меня кружевоплетению неизменно заканчивались беспорядочно перепутанными нитями, не годящимися даже для рыбной ловли, и тетушка Клорис обвиняла меня в том, что я нарочно отвлекаюсь. А когда я признавала ее правоту, это бесило ее еще сильнее. Признаюсь, это искусство даже могло бы заинтересовать меня, если бы его преподавали мне не насильно. Казалось, никого не интересуют мои наклонности или способности. Я чувствовала себя куском сыра, который засунули в дальний угол покрываться плесенью.

Кратковременные компромиссы только сильнее раздражали меня. Помню, как мать, обратив внимание на мою склонность к языкам, предложила мне поднатаскать в диалектах Морригана братьев и нескольких младших кадетов. Некоторые из этих диалектов особо сложны, это почти самостоятельные языки, так мало у них сходства с наречием, на котором говорят у нас в Сивике. Но даже этой небольшой поблажке вскоре положил конец королевский книжник, после того, как в один прекрасный день я поправила его ошибку в диалекте горной провинции Сиенсы. Книжник заявил королеве, что он и его помощники лучше меня справятся с преподаванием. Может, хоть здесь, на постоялом дворе, я найду применение своим способностям, разговаривая с приехавшими издали постояльцами на их языках.

С мытьем пола и уборкой я справлялась легко, а вот другие работы давались с трудом. В цитадели я видела, как служанки легко, одной рукой вращают стиральные барабаны. Первая попытка — и мне прямо в лицо плеснула грязная мыльная вода, потому что я забыла закрепить защелку. Паулина изо всех сил старалась удержаться от смеха. Развешивать белье на просушку оказалось не проще, чем стирать. Когда я развесила полную корзину простыней и отошла, чтобы полюбоваться своей работой, налетевший ветер сорвал их с веревки, а деревянные прищепки испуганными кузнечиками разлетелись во все стороны. Каждый день работы по хозяйству приносил новую боль в новых местах — болели то плечи, то икры, даже кисти рук, непривычные к выкручиванию, отбиванию, отжиму. Простая жизнь в маленьком городке оказалась совсем не так проста, как я представляла, но я была полна решимости научиться всему. Если жизнь при дворе и научила чему-то меня нужному, так это выносливости.

Вечерами работы было особенно много, таверна была полна горожан, постояльцев, рыбаков, пришедших отдохнуть и скоротать время с друзьями. Их ждала похлебка или жаркое, веселый смех, а иной раз острое словцо Берди, над которым дружно хохотала вся таверна. Главным, что привлекало гостей, была простая, но вкусная и сытная еда. Летом число постояльцев всегда увеличивалось, а поскольку приближался ежегодный Праздник Избавления, народу в городке было вдвое больше обычного. Уступив настойчивым просьбам Гвинет, Берди признала, наконец, что и в обеденном зале лишние руки не помешают.

В первый вечер нам с Паулиной доверили обслуживать по одному столу, хотя Гвинет справлялась одна с дюжиной. На нее было любо-дорого смотреть. Думаю, она была ненамного старше нас, но распоряжалась в обеденном зале так, словно всю жизнь только тем и занималась. С молодыми она шутила и флиртowała, подмигивала и хохотала, а потом, повернувшись к нам, выразительно закатывала глаза. К людям постарше, в добротном платье, у которых кое-что звенело в кошельках, она относилась почтительнее, но и их ухаживаний явно не принимала всерьез. Она просто делала свою работу и делала ее хорошо.

Посетителей Гвинет оценивала мгновенно, как только они показывались в дверях. Это ее развлекало, и она с радостью втянула нас в эту игру. «Вот этот, — шептала она, показывая на коренастого мужчину, появившегося в дверях, — мясник, или я ничего не понимаю. У них у всех усы, представляете? И толстое брюхо от доброй кормежки. Но главное — это руки. У мясников руки, как свиные рульки, но ухоженные и ногти всегда аккуратно подстрижены». А потом добавляла игриво: «Нелюдимые они, но платят щедро». И она удовлетворенно хмыкала, что так ловко его раскусила. «Наверное, собрался покупать свинью. Закажет одно светлое пиво, без закуски».

Когда «мясник» в самом деле заказывал только пиво, мы с Паулиной начинали восторженно хихикать. Я понимала, что мы могли бы многому, очень многому научиться у Гвинет. Я исподтишка следила за ее движениями, за тем, как она переговаривается с гостями, как смеется. И, конечно, внимательно приглядывалась к тому, как она кокетничает и флиртует.

Глава седьмая

Убийца

*Старики будут спать и видеть сны,
Юным девам откроются видения,
Зверь лесной повернет назад,
Дитя страданий приблизится, и увидят его,
И очистят путь для него.*

— *Песнь Венды*

Я не знал, восхищаться ею или спланировать медленное и более мучительное убийство для королевской изменницы. Лучше всего было задушить ее голыми руками. Или, может быть, лучше для правосудия было бы поиграть с ней сначала, заставить корчиться в бессилии. Я терпеть не мог этих самодовольных пиявок, уверенных, что их голубая кровь возносит их над другими — а сейчас у нее не было передо мной никаких преимуществ.

Из-за нее мне пришлось дольше, чем я ожидал, мотаться по дорогам, но я нипочем не признался бы в этом своим товарищам. Я уже давно должен был бы сделать свое дело и направиться к месту нашей встречи, но, вынужден признать, недооценил девицу.

Она спланировала свой побег тщательнее, чем я ожидал, заставив всех поверить, что поскакала на север, а не на юг, да и потом не забывая оставлять ложные следы. Но крестьяне не умеют держать язык за зубами и любят хвастать удачными сделками. Теперь, наконец, я уверенно следовал по следам двух путников с тремя ослами, которые проехали по центральной улице Терравина, пол ездовых было трудно определить, а по виду они напоминали грязных попрошайек. Я очень надеялся, что наша умненькая принцесса ничего больше не выдумает — для ее же пользы.

— Эй, ты! — окликнул я встрепанного мальчишку, который вел под уздцы лошадь в сарай. — Как тут пиво, сносное?

Мальчишка застыл, как будто вопрос требовал обдумывания, откинул прядь волос с глаз:

— Пиво-то? Да, хорошее пиво. Так люди говорят. — Он повернулся, чтобы уйти.

— А как насчет еды?

Он снова замер — видимо, каждый вопрос повергал его в раздумья, а может, ему просто неохота было расседлывать и устраивать коня. — Лучше всего рыбная похлебка.

— Премного благодарен. — Я перегнулся через седло. — Не знаешь ли, есть здесь в городке мулы или ослы? Я хочу нанять несколько, чтобы отвезти в горы кое-какие припасы.

Глаза парня прояснились.

— У нас есть, целых три. То есть у нашей прислуги.

— Как ты думаешь, позволит она мне одолжить их на время?

— Почему бы ей и не позволить. Сама-то она на них ездит только недалеко, по городу — с тех пор, как приехала сюда пару недель назад, никуда больше не ездила. Да вы у нее самой спросите. Она там прислуживает за столами.

Я улыбнулся. *Наконец, попалась.*

— Благодарю, ты мне очень помог. — Я кинул парню монету за труды и увидел, как тот

переменился в лице. Я обрел верного друга. Теперь мое появление не вызовет решительно никаких подозрений.

Мальчишка пошел своей дорогой, а я направил лошадь к коновязи возле постоянного двора. После долгих дней погони я полюбуюсь, наконец, на ту, которая все же заставила с собой считаться. Она так боялась замужества, что сочла бегство в неизвестность лучшей участью? Что же она собой представляет? У меня не было ее описания, я знал только возраст и то, что, по слухам, у нее длинные темные волосы, но догадывался, что особу королевской крови нетрудно будет опознать.

Ей было всего семнадцать. Моложе меня на пару лет — и на целую жизнь, настолько они у нас разные. И все же, принцесса, прислуживающая за столами? Эта девица полна сюрпризов. К несчастью для себя, по самому факту своего рождения она представляла угрозу для Венды. Но больше всего мне было интересно, действительно ли она наделена даром и предвидит ли мое появление?

Я привязал коня к последнему столбу коновязи, подальше от других лошадей, и заметил, как как-то малый, подойдя к насосу, подставил голову под струю воды. Неплохая идея умыться перед тем, как войду, а если получится купить ему пиво, тем лучше. Одинокие путники всегда вызывают больше подозрений.

Глава восьмая

Принц

Свадебная кава. Потребовалось совсем небольшое расследование — и пара монет, — чтобы добыть сведения от конюха. Парень оказался не промах, он прекрасно понимал, что секрет может и дальше приносить ему пользу. Пришлось подбросить ему еще несколько монет за твердое обещание, что эта тайна больше никогда не сорвется с его губ. Все должно остаться между нами. Внимательно оглядев мой меч в ножнах, притороченный к седлу, конюх, кажется, уяснил, что безопаснее для него не становиться у меня на пути и выполнять мои условия. Описать каву он не мог, но видел, как девушка яростно оттирала ее со спины.

Яростно. Как я понимал это чувство. Я больше не испытывал ни любопытства, ни веселья. Три недели в пути и ночевки на твердой каменистой земле не оставили от этих чувств и следа. Мне казалось, что я так и буду всегда преследовать ее, то нагоняя, то отставая всего на шаг, а потом теряя след — снова и снова. Она будто играла со мной. От бродяг, обнаруживших ее свадебную накидку и смастеривших из нее тент, к купцам в городе, где она продавала камни, к грязным обрывкам свадебного платья из тончайшего кружева, какое плели только в Сивике, к отпечаткам копыт на глинистом берегу — так я шел вперед, подбирая скудные крошки, оставленные ею, одержимый стремлением не дать ей выйти победительницей в этой игре, слишком уж много лет Свен потратил, обучая меня ее правилам.

Меня выводило из себя, что какая-то семнадцатилетняя девчонка так долго водит меня за нос. Хотя, возможно, я и не должен был принимать все это слишком близко к сердцу. Она бросила мне в лицо оскорбление, показав, как сильно стремится оказаться от меня подальше. Я невольно задался вопросом, хватило бы мне самому ума и воли действовать так же ловко, решишь я осуществить свои замыслы.

Под рубашкой я хранил единственное послание от нее, полное такой дерзости, что мое воображение до сих пор отказывалось нарисовать девушку, которая его написала. *Осмотришь вас.* Поглядим теперь, кто кого будет осматривать.

Я снова сунул голову под ледяную струю воды, пытаюсь охладить не только тело. Сейчас бы мне не помешало хорошенько искупаться.

— Оставь и мне немного, приятель.

Я поднял голову, стряхнул капли с волос. Подошедший был примерно моих лет, его лицо, как и мое, покрывала пыль дальней дороги.

— Здесь на всех хватит. Издалека?

— Да, путь был не близкий, — ответил он, подныривая под мощную струю. Ополоснув лицо и шею, он выпрямился и протянул мне мокрую руку. Я попытался оценить, что он собой представляет. Держится приветливо, но что-то в нем вызывает настороженность. Вот его взгляд скользнул по моему поясному ремню и оружию на боку, я понял, что и он тщательно оценивает меня — так осматривают опытные воины — но притом с небрежным, даже каким-то отрешенным видом. Ясно, что передо мной не купец, возвращающийся с ярмарки.

Я пожал протянутую руку.

— Что ж, зайдем, приятель, промочим-ка заодно и наши запыленные глотки.

Глава девятая

Очевидно, Паулина и я доказали, что справляемся неплохо, потому что сегодня вечером Берди неожиданно стала направлять нас к разным столам, строго при этом наказав, чтобы не вздумали пробовать крепкие напитки, которые разносим гостям. Паулина отнеслась к изменениям почти равнодушно, но у меня было чувство, что я перешагнула некую черту. Да, речь шла всего-навсего об обслуживании столов, но таверна, постоянный двор и его завсегдатаи — это все, что было у Берди. Вся ее жизнь. Она доверила мне что-то, чем дорожила. Ее сомнения и боязнь, что у нее на руках обуза, неженка-принцесса, которая сама нуждается в присмотре, видимо, рассеялись. И я ее не подведу.

Таверна при постоялом дворе представляла собой большую просторную комнату. Широкая распашная дверь в дальней стене вела на кухню, а у прилегающей стены располагалась «оросительная система», как шутя называла ее Берди. Это было сердце таверны, бар с длинным прилавком из полированной сосны и кранами, откуда текло пиво разных сортов из бочек, хранящихся в холодном погребе. Лестница из погреба выходила в темную нишу за барной стойкой. В таверне могло разместиться до сорока человек — и это не считая посетителей, которые предпочитали стоять в углу или присесть на один из пустых бочонков, расставленных вдоль стены.

День только начинал клониться к вечеру, но в таверне уже царило оживление, и все столы, кроме двух, были заняты.

К счастью, пища у нас была простая, выбор невелик, так что я без ошибок запоминала заказы и приносила каждому посетителю требуемое пиво и блюдо. В основном заказывали плоские лепешки и рыбную похлебку, которой Берди особенно славилась, хотя ее копченая оленина со свежей зеленью и дыней тоже была необыкновенно вкусна, особенно сейчас, в разгар сезона ароматных дынь. Этот рецепт взял бы на заметку даже главный повар цитадели. Мой отец отдавал предпочтение замысловатым мясным блюдам с пряными соусами, а доказательства этого откладывались у него на талии. Стряпня Берди стала для меня приятным отдыхом от этой тяжелой пищи, обременительной для желудка.

Энцо куда-то запропал, и каждый раз, заходя на кухню, я слышала, как Берди тихонько бурчит что-то о голове садовой — однако я отметила, что сегодня он все-таки *принес* треску, так что похлебка хозяйке удалась как никогда.

— Нет, вы только поглядите на тарелки! — воскликнула она, потрясая в воздухе черпаком. — Велела олуху отвести лошадь в стойло, а он ушел и пропал. Придется мне подавать похлебку в ночных горшках, если он не принесет свой несчастный...

Дверь приотворилась, и в щель просочился Энцо, сияя так, будто нашел сундук золота. Он как-то странно покосился в мою сторону, удивленно подняв брови, точно никогда не видел меня раньше. Странный мальчишка. Глупым я бы его не назвала, но, похоже, Берди не без причины бранила его головой садовой. Я вышла в зал с пивом и тарелкой оленины, а Берди накинулась на Энцо, велев прямиком бежать к корыту с грязными тарелками.

Как раз когда я выходила из кухни, в таверну вошли новые посетители. Паулина вмиг оказалась рядом, пытаясь втолкнуть меня обратно. Я чуть было не выронила тарелку.

— Возвращайся на кухню, — прошептала Паулина. — Скорее! Мы с Гвинет сами управимся.

Я осмотрела горстку вошедших солдат, которые устремились к столу и стали

рассаживаться. Ни один из них не показался мне знакомым. Они тоже едва ли могли узнать меня, особенно в этой новой для меня роли, не говоря уж о том, что, обслуживая клиентов в таверне, мы надевали одинаковое платье. Нарядите принцессу в бурую юбку из грубой ткани и фартук, и она потеряет всякое сходство с принцессой — а волосы мои были забраны под кружевной чепец.

— Никуда я не пойду, — шепнула я в ответ. — Не могу же я прятаться всякий раз, как кто-то входит в дверь.

Паулина настаивала. Тогда я проскользнула мимо нее, желая покончить с этим раз и навсегда. Поставив блюдо с олениной перед клиентом и все еще держа в другой руке пару кружек пива, я подошла прямо к солдатам.

— Что прикажете подать, любезные господа?

Паулина в ужасе застыла у кухонной двери.

Один из гвардейцев медленно оглядел меня, смерив оценивающим взглядом от лодыжек до талии, задержавшись на шнуровке корсажа и, наконец, мрачно посмотрел мне в лицо. Его глаза сузились. У меня екнуло сердце, кровь прилила к щекам. Неужели узнал? Могла ли я так ошибиться? Вояка неторопливо поднял руку и обхватил меня за талию, притянув к себе прежде, чем я успела отреагировать.

— А я уже получил, что хотел.

Остальные захохотали, а я, как ни странно, успокоилась. Такие заигрывания были мне знакомы, я не раз наблюдала, как вела себя Гвинет в подобных случаях. Это испытание мне по зубам. Куда хуже, если бы во мне признали беглую королевскую дочку. Я наклонилась вперед, изображая заинтересованность.

— Гвардейцы Его величества короля, как я понимаю, сидят на строгой диете. Вы должны быть более сдержанны в своих предпочтениях.

В этот момент я изловчилась и как бы случайно вылила по полкружки пива ему на колени.

Мгновенно отпустив меня, вояка вскочил, отряхиваясь, как растерянный школяр. Его товарищи одобрительно смеялись, довольные представлением. Не успел он обрушиться на меня с руганью, как я ласково (и, надеюсь, обольстительно) заговорила первой:

— О, простите, мне так жаль. Я в этом деле еще новенькая, неловкая. Безопаснее для вас будет держать руки при себе. — Я поставила перед ним на стол две неполные кружки. — Вот, это вам в качестве извинения за мою неуклюжесть.

Я поскорее удалилась, не дав ему опомниться и собраться с ответом, но услышала, как за моей спиной раздался взрыв грубого хохота.

— Ловко ты его, — одобрительно шепнула мне Гвинет, зато Берди встала в дверях, грозно подбоченясь и сжав губы в тонкую ниточку. Я нервно сглотнула. С этими солдафонами все средства хороши. Я не могла понять, что так возмутило Берди, но мысленно взяла на заметку: быть сдержаннее и стараться не проливать пиво.

Я вернулась к бару за новой парой эля для добропорядочных гостей, чье пиво отдала солдатам. Вынув из-под прилавка чистые кружки, я подставила их под кран, а сама оглянулась на Паулину. Та не сводила глаз с входа в таверну.

Месяц подходил к концу, и, хотя ждать Микаэля было еще рано (он никак не мог успеть добраться сюда из Сивики), девушка, восторженно встрепенувшись, вскидывала голову каждый раз, как скрипела дверь. Всю последнюю неделю она ходила бледная, сошел со щек обычный румянец, кусок не лез ей в горло, и я подозревала, что всему виной любовное томление. Я

ждала, пока кружки наполнятся доверху, и молила богов, чтобы — ради спокойствия Паулины — следующим, кто войдет в таверну, оказался ее Микаэль.

В самом дальнем краю...

Я чуть не подскочила. Священные поминовения в таверне? Но мелодия растаяла так же быстро, как появилась, и вокруг слышался теперь только неразборчивый гул голосов. Дверь рывком распахнули, и я подняла голову, чтобы посмотреть, кто же входит.

По поникшим плечам Паулины, я поняла — не тот. Моя подруга переключилась на посетителей, которым прислуживала, но я продолжала следить за вновь пришедшими, а те задержались у входа, осматривая переполненный зал. Меня удивило, как внимательно они ощупывают глазами посетителей за столами и каждый уголок таверны. Один незанятый столик был от них всего в нескольких шагах. Если они искали, где бы присесть, то не заметить его просто не могли. Я незаметно отодвинулась ближе к укромной нише и оттуда продолжала следить за ними. Блуждающие взгляды задержались на спине Паулины, которая переговаривалась в углу с какими-то пожилыми мужчинами.

— Да, любопытная парочка, — сказала подошедшая Гвинет.

Я не могла отрицать, они меня и впрямь заинтересовали. Было что-то...

— Тот, что слева, — рыбак, — объявила Гвинет. — Широкие плечи. Волосы темные, но выгорели на солнце и давно не видали гребня. Руки исцарапаны. Немного мрачноват. Хороших чаевых от такого вряд ли дождешься. А справа, светловолосый — торгует чем-то. Может, пушниной. Походка уж очень уверенная. Они все такие. И посмотри на его руки, они никогда не знали рыбацких сетей или плуга — им знакомы только лук да быстрые стрелы. Этот может щедрее раскошелиться, ему нечасто доводится выбраться в город. А это повод кутнуть на славу.

Я бы посмеялась, слушая уверенные выводы Гвинет, только было не до смеха. Я не могла оторвать глаз от странной пары. Слишком они отличались от обычных посетителей и обликом, и поведением. Они не казались похожими ни на рыбака, ни на торговца пушниной. Что-то подсказывало мне, что они здесь по другим делам — хотя, конечно, у Гвинет глаз наметанный и опыта в этих делах намного больше.

Тот, которого она записала в рыбаки из-за темных, выгоревших на солнце волос и исцарапанных рук, имел вид более сосредоточенный, а взгляд — более цепкий, чем у рыбаков, которых я встречала в городе. Была в нем и непривычная решительность, спокойная твердость, словно он был уверен в каждом своем шаге. А что касается рук — оцарапаться можно где угодно, не только о крючки и жабры. Я, например, за время пути несколько раз жестоко ранилась, попадая в колючие заросли ежевики. Волосы — и в самом деле длинные и нечесанные — падали ему на плечи, но и это ни о чем не говорило: возможно, у него было долгое и трудное путешествие и не нашлось, чем их перевязать.

Светловолосый его спутник был почти такого же сложения, разве что на какой-нибудь дюйм меньше ростом и слегка пошире в плечах. У него волосы едва доходили до воротника. Держался он с той же невозмутимой уверенностью, что и его друг, но был к тому же так мрачен, что, казалось, воздух вокруг него сгущается и темнеет. Определенно у него на уме было что-то большее, чем кружка холодного сидра. Возможно, все дело было в усталости с дороги — или была причина иная, более значительная. Остался без работы и приехал в город

в поисках заработка? Не оттого ли они медлят, не решаясь сесть к столу? Должно быть, у них в карманах нет и ломаного гроша на двоих. Моя фантазия разыгралась не хуже, чем у Гвинет.

Я видела, как темноволосый сказал что-то второму, показывая на пустой стол, и они сели, но вели себя странно. Казалось, общество друг друга занимает их намного меньше, чем то, что происходит вокруг.

Гвинет пихнула меня в бок.

— Не сверли ты их так взглядом, а то, глядишь, глаза вывалятся. — Она вздохнула. — Эх, для меня они слишком молоды... Но вот тебе...

Я подняла глаза к небу.

— Умоляю...

— А что тут такого. Ты только посмотри на себя. Прямо копытом бьешь, как кобылка. И вообще, скажу тебе, это не преступление. Они закажут по паре темного сидра каждый, поверь мне, — Гвинет ловко выхватила у меня наполненные кружки. — Эти я сама отнесу, а ты иди, обслужи тех двоих.

— Гвинет! Подожди! — но я понимала, что она не станет слушать. Сказать по правде, я была рада этой замене. Но не потому что новые гости мне понравились — оба какие-то помятые, покрытые пылью. Они были для меня загадкой — вот в чем причина. Почему бы и не подыграть немного Гвинет? Что ж, проверим, смогу ли я угодить рыбаку и торговцу пушным товаром. Я взяла с полки еще две, последние чистые кружки — и что там Энцо столько возится у корыта? Я потянула кран, дождалась, пока пенистый эль цвета темного золота наполнил кружки до ободка, и с удивлением отметила, что немного волнуюсь.

С кружками в одной руке я уже отходила от барного прилавка, но тут поймала взгляд Паулины. Солдафон с мокрыми штанами, тот самый, что пытался облапать меня, теперь крепко держал за талию мою подругу. Я увидела, как девушка с деланой улыбкой на лице пытается высвободиться из его хватки, оставаясь при этом любезной. Вояка только похохатывал, наслаждаясь ее беспомощностью. Кровь бросилась мне в лицо. Сама не знаю, как я вмиг очутилась рядом и уставилась в лицо похотливой гадине.

— Вы уже получили одно мягкое предупреждение, господин. В следующий раз вместо того, чтобы снова обливаться ваши порты, я опущу эти кружки на ваш медный лоб. А теперь немедленно оставьте ослиные ухватки и ведите себя достойно, как подобает гвардейцу Его величества — сейчас же уберите руку.

На этот раз никто не хлопал себя восторженно по колену, не раздалось ни одного смешка. В таверне повисло молчание. Солдафон смерил меня тяжелым взглядом, разъяренный, что получил при всех отповедь от девчонки. Он нехотя выпустил Паулину, и она убежала на кухню, но я не уходила и не отводила глаз. У мерзавца раздувались ноздри, мне показалось, что он готов прямо здесь, прилюдно придушить меня. Сердце у меня бешено колотилось, но я заставила себя медленно, примирительно улыбнуться.

— Представление окончено, — обратилась я ко всем сразу и поскорее отошла, чтобы избежать продолжения перепалки и ответных слов негодяя. Сделав всего несколько шагов, я чуть не врезалась в стол, где сидели те двое. Выражение, с которым они на меня смотрели, тоже застало меня врасплох, так что я не сразу нашлась, что сказать. Напряжение, которое я ощутила даже издали, вблизи чувствовалось еще сильнее. На миг я застыла неподвижно. Холодные, как голубой лед, глаза «рыбака» так и резали меня насквозь, да и под неистовым взглядом карих глаз «торговца» хотелось поежиться. Я не могла понять, в чем тут дело — сердятся они или впечатлены происшествием. Я постаралась замять неловкую паузу и взять

инициативу в свои руки.

— Вы у нас впервые. Добро пожаловать. Должна предупредить, у нас не всегда так весело, но за сегодняшнее развлечение дополнительной оплаты не берем, все за счет заведения. Надеюсь, господа, темный сидр придется вам по вкусу. Я почти уверена, что вы будете им довольны.

Я поставила кружки на стол. Оба клиента не сводили с меня глаз, не произнося ни слова.

— Уверю вас, на самом деле я еще ни разу никого не короновала кружкой. Пока.

Торговец пушниной прищурился.

— Это успокаивает, — он схватил кружку, поднес к губам и отхлебнул, не отрывая от меня взгляда. Меня снова обдало жаром. Наконец, он отнял кружку от рта и улыбнулся — очень приятной, удовлетворенной улыбкой, от которой мне сразу стало легче.

— Прекрасный сидр, — сказал он.

— Уж не айслендский ли акцент слышу я? *Vosê zsa tevou de mito loje?*

Светловолосый с такой силой стукнул кружкой, что немного сидра выплеснулось на стол.

— Нет, — ответил он решительно.

«Нет», но на какой вопрос? Это не его акцент или он не приехал издалека? Однако ему, кажется, не понравились мои расспросы, так что я не стала продолжать.

Я повернулась к «рыбаку», который пока не проронил ни словечка. Его лицо можно было бы назвать славным и даже открытым, если бы не приклеенная к губам кривая усмешка вместо искренней улыбки. Этот тип продолжал пристально меня разглядывать. Я ощетибилась. Если ему не понравилось, как я обошлась с гвардейцем, его дело. Лебезить перед ним я не намерена. Он должен подать голос первым — хотя бы поблагодарить за сидр.

Тот медленно подался вперед.

— Как ты узнала?

Этот голос хлестнул меня, как розга по спине, выбил воздух из легких. Я молча смотрела на него, пытаюсь собраться с мыслями. Звук продолжал звенеть у меня в ушах. Определенно знакомый, но в то же время чужой. Я знала, что никогда прежде не слышала этот голос. *Но я его слышала.*

— Узнала? — беззвучно переспросила я.

— Что нам понравится сидр?

Я сделала отчаянную попытку скрыть замешательство бойким ответом.

— Это все Гвинет. Другая служанка. Это ее хобби. И чаще всего она оказывается права. Гвинет ловко угадывает не только напитки, но и ремесла. Она считает, что вы рыбак, а ваш друг торгует.

Голос не слушался меня, слова вылетали сами собой. Я прикусила губу, приказывая себе замолчать. Гвардейцы ведь не превратили меня в глупую пустомелю. Каким же образом этим двоим удалось такое со мной проделать?

— Благодарю вас за сидр, *мисс...?* — торговец помедлил.

— Я отзываюсь на Лию, — ответила я. — А вас как величать?

После легкого колебания он все же ответил:

— Каден.

Я повернулась к «рыбаку», ожидая, что и он представится. Вместо этого он покатал мое имя на языке, как кукурузное зерно, застрявшее в зубах. «Лия. Хм». И задумчиво поскреб

недельную щетину на щеке.

— Каден и...? — я улыбнулась, стиснув зубы. Буду любезна во что бы то ни стало. Хватит на сегодня сцен, особенно на глазах у Берди.

Холодный взгляд «рыбака» встретился с моим, он вызывающе выпятил подбородок. Потом улыбнулся, и от уголков глаз разбежались мелкие морщинки.

— Рейф, — назвался он.

Я постаралась не подать виду, что внутри у меня все горело, будто жгло раскаленными углями. Может, его лицо даже с улыбкой не стало добрым и открытым, но оно поразило меня. Я почувствовала, как румянец заливает мне лицо, и только молилась, чтобы в тусклом свете этого никто не заметил. Имя было необычным для этих краев, но мне понравилась простота его звучания.

— Чем же прикажете угостить вас, Каден и Рейф? — я начала было перечислять кушанья, которые сегодня наготовила Берди, но их обоих вдруг заинтересовала девушка, за которую я вступилась.

— Она выглядит слишком молоденькой, чтобы прислуживать здесь, — заметил Каден.

— Ей семнадцать, как и мне. Хотя в каком-то смысле она действительно более наивна.

— О? — только и спросил Рейф, но краткий вопрос прозвучал двусмысленно.

— У Паулины нежное сердце, — пояснила я. — А я научилась давать отпор невежам, а также отвечать на бестактные вопросы.

Он усмехнулся.

— Да, я вижу.

Это было сказано довольно язвительно, но почему-то его ухмылка меня обезоружила, так что я забыла ответ, уже вертевшийся на языке. Я отвернулась к Кадену, который, к большому моему облегчению, был словно погружен в свои мысли и рассматривал не меня, а собственную кружку.

— Рекомендую вам взять похлебку, — предложила я. — Здесь это блюдо нравится всем.

Каден поднял глаза и улыбнулся приветливой.

— Если так, пусть будет похлебка, Лия.

— А я предпочту оленину, — сказал Рейф. Не удивительно. Что ж, отрежу ему ломоть пожестче. Пусть жует, может, хоть тогда самодовольная усмешка сойдет с его лица.

Гвинет неожиданно выросла рядом со мной.

— Ты нужна Берди на кухне. *Прямо сейчас.* Я сама подам этим господам.

Было яснее ясного, что моя помощь на кухне нужна Берди меньше всего — но я только кивнула и оставила Кадена и Рейфа заботам Гвинет.

После приглушенной, но яростной лекции Берди о том, почему нельзя указывать представителям власти на их недостатки, меня продержали на кухне до закрытия таверны. Я осмелилась было возражать, упирая на справедливость и благородство, но доводы Берди были куда более практическими и касались таких жизненно важных вещей, как выживание. Она всеми силами избегала слова «принцесса», так как поблизости крутился Энцо, но смысл ее намеков был ясен: положение, которое сейчас я занимаю, немногим выше коровьей лепешки, так что для всех будет лучше, если я поскорее научусь сдерживать свой высокомерный и острый язычок.

До конца вечера Берди сама разносила еду, изредка забегая на кухню, чтобы передать мне заказы или приправить свежую порцию похлебки, но главное — следила, чтобы каждый из солдат получил щедрую добавку за счет заведения. Этот компромисс так мне претил, что

я вымещала свой гнев на луке, который шинковала.

Когда третья луковица была измельчена в кашу, а мой пыл несколько поутих, мысли вернулись к Рейфу и Кадену. Никогда я не узнаю, был ли один из них рыбаком, а второй — торговцем пушным товаром. Сейчас они уже, должно быть, далеко отсюда, и я в жизни их больше не увижу. Я думала о Гвинет, которая напропалую заигрывает со своими клиентами, ловко управляя ими по своему желанию. Интересно, и с этими двумя у нее тоже получилось?

Я схватила из корзины узловатый рыжий клубень и швырнула на колоду для рубки мяса. Он был превращен в кашу еще быстрее, чем луковицы, не считая разве что нескольких ломтиков, отлетевших на пол.

Глава десятая

Ближе к ночи, когда Паулина уже вернулась в наш домик, а Энцо и Гвинет отправились спать, я устало домывала последний котел из-под похлебки. Кое-какие особенно упрямые кусочки никак не хотели отскребаться от днища.

Мне казалось, что я снова в цитадели и меня опять отправили под домашний арест в мою спальню. Воспоминания о последнем таком заточении до сих пор жгли обидой, и я поморгала, смахивая слезинки с ресниц. *В последний раз говорю тебе, Арабелла, придержи язык!* — кричал на меня отец, багровый от возмущения. Мне показалось, что он меня ударит, но он сдержался и размашистым шагом вышел из моей комнаты. Все было из-за ужина, на котором присутствовал весь кабинет королевских министров. Напротив меня сидел лорд-канцлер в расшитой серебром мантии, пальцы его были так густо унизаны перстнями, что он с трудом удерживал в руке вилку. Беседа коснулась необходимости урезать бюджет и раздалась хмельные шуточки о том, что дешевле было бы заменить солдат на лошадей — я вмешалась в разговор и заметила, что, если бы министры собрали свои камни и побрякушки, это заметно пополнило бы казну. При этом, разумеется, я в упор смотрела на канцлера и затем провозгласила за него тост, чтобы мысль окончательно дошла до министерских мозгов, пропитанных элем. Я говорила правду, но отец не желал ее слышать — по крайней мере, от меня...

Услышав шарканье, я подняла голову — в кухню входила Берди, поникшая от усталости. Я с удвоенной силой принялась оттирать котел. Женщина подошла и молча остановилась рядом. Я приготовилась выслушать новую порцию упреков — вместо этого она взяла меня за подбородок, повернула мое лицо к себе и тихо сказала, что у меня было полное право выбрать того солдафона, и она рада, что я это сделала.

— Но если острые слова исходят от такой молоденькой красотки, как ты, они жалят намного больше, чем от старой клячи вроде меня. Они оскорбляют мужланов, ранят их большое самолюбие. Будь осмотрительна. Я перепугалась больше за тебя, чем за себя. Но это не значит, что нужно все сносить молча, и ты славно его отчитала. Прости меня.

У меня сжалось горло. Сколько бы раз я ни разговаривала с родителями, мне ни разу не сказали, что я хоть в чем-то права, а уж о том, чтобы услышать извинения, не могло быть и речи. Я часто заморгала, жалея, что под рукой нет луковицы, чтобы свалить на нее мигом покрасневшие глаза. Берди прижала меня к груди и долго держала, давая время успокоиться и прийти в себя.

— День был трудный, — шепнула она. — Иди к себе. Отдохни. Я тут сама закончу.

Я молча кивнула, все еще боясь, что голос подведет, если заговорю.

Прикрыв за собой дверь, я стала подниматься по лестнице, вырубленной в скале позади постоянного двора. Ночь стояла тихая, месяц то скрывался, то выныривал из ключев туманной дымки, поднимавшейся над заливом. Несмотря на ночную свежесть, мне было тепло от слов Берди.

Добравшись до последней ступеньки, я стянула с головы капюшон, позволив волосам свободно рассыпаться по плечам. Мне было радостно и легко, я снова и снова проговаривала про себя то, что Берди сказала мне. Я спускалась по тропинке, а слабый золотистый свет в окне нашего дома служил мне ориентиром. Паулина, наверное, уже засыпает, мечтая о своем Микаэле и представляя, как он держит ее в объятиях, как клянется, что никогда больше не

оставит одну.

Вздыхнув, я продолжала пробираться по темной тропе. Мои собственные сны были мрачными и, видимо, скучными, потому что обычно я их не запоминала, и уж точно не было в них крепких и надежных рук, обнимающих меня. Приснись мне такое, я бы помнила об этом и при ярком свете солнца. С моря налетел соленый ветер, и я подышала на руки, чтобы согреть их.

— Лия.

Я подскочила, чуть не вскрикнув.

— Тшш. Это всего лишь я, — из тени кряжистого дуба выступил Каден. — Я не хотел тебя напугать.

Я замерла.

— Что вы здесь делаете?

— Дожидаюсь тебя.

Он подошел ближе. В таверне он казался вполне безобидным, но какие дела привели его сюда и почему нужно подстерегать меня в темноте? Хорошо еще, что у меня есть кинжал под корсажем. Я обхватила себя руками, нащупав под тканью оружие, и отступила на шаг.

Заметив мое движение, Каден остановился.

— Я только хотел убедиться, что ты благополучно добралась до дому, — добродушно сказал он. — Мне хорошо знакомы типы вроде гвардейца, которого ты отбрила в таверне. Они злопамятны и очень много о себе воображают.

Он неуверенно улыбнулся.

— Да, кстати, я хотел сказать, что мне очень понравилось представление. Хотел выразить свое восхищение раньше, но не представилось случая. — Он снова сделал паузу, но я продолжала хранить молчание, и он опять заговорил. — Будет ли мне позволено проводить тебя до дома?

Он предложил мне руку, но я не стала на нее опираться.

— Ты все время поджидал здесь? Я считала, что вы с другом уже далеко отсюда.

— Я останусь на некоторое время. На постоялом дворе не оказалось свободных комнат, но хозяйка была так добра, что позволила заночевать на чердаке конюшни. Мягкий матрас — желанная замена пыльной обочине дороги.

Он пожал плечами и добавил:

— Даже несмотря на то, что приходится выслушивать жалобы нескольких ослов.

Итак, он просто остановился у нас на постоялом дворе — так вот чем объясняется его забота. К тому же он платит за ночлег, так что мог бы по праву претендовать на наш с Паулиной домик, уютный, хотя и с течью в крыше. Я невольно расслабилась и опустила руки.

— А твой друг?

— Мой друг? — Каден озадаченно склонил набок голову, немного по-мальчишески, словно забыв о продуманных сдержанных жестах, и разом помолодел на несколько лет. Он запустил пятерню в соломенные волосы. — А, вот ты о ком. Он тоже остался.

Нет, он не торгует пушниной, в этом я уже не сомневалась. Свежевать зверей, снимать с них шкурки — не его профессия. Движения, спокойные и взвешенные, могли бы принадлежать охотнику, но глаза... *его глаза*. Ласковые, с поволокой, но под обманчиво спокойной поверхностью бурлит водоворот. Они выдавали привычку к другой жизни, хотя какой именно — я пока не могла понять.

— Что привело тебя в Терравин? — спросила я.

Я не успела опомниться, как он протянул руку и схватил мою.

— Позволь, я провожу тебя до дома, — повторил он. — А по дороге расскажу о...

— *Каден?*

Я вырвала руку, и мы разом обернулись на голос, окликнувший из темноты. Черный силуэт Рейфа, совсем недалеко от нас, невозможно было спутать ни с кем. Он подошел незаметно, ступая бесшумно, словно кошка. Черты его лица стали различимы только, когда он приблизился почти вплотную.

— В чем дело? — в голосе Кадена сквозила досада.

— Твоя норовистая кобыла разбушевалась и лягается в стойле. Пока она там все не разнесла, надо бы...

— *Жеребец*, — поправил Каден. — С ним было все в порядке, когда я уходил.

Рейф развел руками.

— Ну, а теперь не в порядке. Испугался на новом, непривычном месте, я полагаю.

О, он был очень доволен собой.

Каден мотнул головой и убежал, сердито фыркнув — я была рада, что он не стал мешкать. Разрушенное стойло не порадовало бы Берди, не говоря уже о том, что я тревожилась о своих покладистых Отто, Нове и Дъечи, которые могли пострадать от буйного соседа. Я сильно привязалась к осликам. Помещались они не вместе с лошадьми, а в отдельном стойле, но их отделяла лишь тонкая деревянная перегородка.

Каден исчез, не успела я оглянуться, и мы с Рейфом остались одни. Повисла неловкая пауза, только ветер шуршал опавшей листвой у нас под ногами. Откинув с лица волосы, я обратила внимание, как изменился внешний вид моего спутника. Волосы были аккуратно причесаны и завязаны сзади, свежесбритое лицо блестело в тусклом лунном свете, и я рассмотрела высокие, загорелые скулы. Рубашка тоже была свежая. Не торопясь нарушать молчание, Рейф спокойно, без смущения смотрел на меня. Похоже, такая у него была привычка.

— Разве ты не мог сам успокоить его лошадь? — поинтересовалась я.

Уголок его рта приподнялся в усмешке, но ответом мне был встречный вопрос.

— Что нужно было Кадену?

— Всего лишь убедиться, что я добралась до дома без приключений. Его беспокоил тот гвардеец из таверны.

— Он прав. Лес может таить опасность — особенно, если ходить в одиночку.

Он пытается меня запугать?

— Я не одна. И не такой уж здесь дремучий лес. Кругом люди — в пределах слышимости.

— Разве? — Рейф покрутил головой, как бы пытаясь увидеть людей, о которых я говорила, а потом снова уставился на меня. Все мои внутренности словно скрутило узлом.

Он подошел на шаг ближе.

— Впрочем, есть, конечно, ножичек, скрытый под одеждой.

Мой кинжал? Как он узнал? Ножны были плотно примотаны к телу! Видел, как я непроизвольно касаюсь его? Я обратила внимание, какой он высокий: почти на голову выше меня. Я вздернула подбородок.

— Не ножичек. Кинжал с шестидюймовым лезвием. Достаточно, чтобы прирезать когонибудь, если обращаться с ним умело.

— И ты умеешь?

Только метать в неподвижную цель вроде двери гардеробной.

— *Вполне*, — тряхнула я головой.

Он не ответил, но видно было, что мой кинжал и навыки обращения с оружием не произвели на него должного впечатления.

— Ну что ж, ладно, спокойной ночи, — я повернулась к нему спиной.

— Лия, постой.

Я остановилась, но не спешила оборачиваться. Здравый смысл подсказывал мне, что надо уносить ноги. *Уходи, Лия. Не останавливайся.* Мне слышались предостерегающие голоса. Моей матери. Отца. Братьев. Даже королевского книжника. Всех, кто на протяжении прежней жизни оберегал меня от любых опасностей, хорошо это или плохо. *Не стой, беги.*

Но я не подчинилась. Может, дело было в его голосе. Или в том, как он произнес мое имя. Возможно, меня так окрылила недавно испытанная радость от открытия, что и я, оказывается, порой бываю права и что, хотя моя несдержанность иногда может обернуться бедой, правда все равно на моей стороне. А может, это было чувство чего-то невозможного, непредставимого, что вот-вот совершится. Страх и предвкушение, переплетенные вместе.

Обернувшись, я встретила с его мрачным взглядом, чувствуя исходящую от него угрозу, но не желая первой отводить глаза. Я ждала, что он скажет. Рейф подошел еще на шаг, расстояние между нами сократилось до нескольких футов. Он вытянул руку, я попятилась на ватных ногах — и увидела, что он держит мой чепец.

— Ты обронила это.

Он держал его в протянутой руке — тонкое кружево с налипшей листвой — не двигаясь, ожидая, что я подойду и заберу.

— Благодарю, — шепнула я почти беззвучно и протянула руку за чепцом. Кончиками пальцев я нечаянно коснулась его руки — обжигающе-горячей по сравнению с моей, но Рейф все не выпускал чепец. Заглянув в молчаливом недоумении ему в глаза, я впервые заметила брешь в непробиваемой броне. Его облик, до сих пор такой суровый, смягчился: чуть изогнулись удивленно брови, в глазах мелькнула нерешительность, даже дыхание едва заметно участилось — как будто я застала его врасплох.

— Я его держу, — сказала я. — Можешь отпустить.

Рейф разжал пальцы, торопливо пожелал мне доброй ночи и тут же скрылся на тропе.

Он был смущен. Я вывела его из равновесия. Я не столько увидела это, сколько почувствовала, его растерянность была осязаемой, она передалась и мне. Как? Что я сделала? Я сама не знала, но вглядывалась в черную пустоту, с которой он слился, пока ветер не принялся трясти ветви у меня над головой, напоминая, что час уже поздний, а в лесу очень темно.

Глава одиннадцатая

Убийца

Второго шанса может и не быть.

И все же я позволил себе упустить его.

Я бросил свой седельный вьюк к стене. Мой сосед по чердаку устроился в противоположном углу. Что ж, по крайней мере, здесь хотя бы не тесно. Он приводил меня в бешенство — этот деревенский пентюх, которого развезло с двух стаканов, нацелился на принцессу. Мне был хорошо знаком этот род.

Было ошибкой с ним сойтись, но, так или иначе, других свободных комнат здесь все равно не было, так что при любом раскладе нам с ним все равно пришлось бы делить этот чердак.

Наше жилище не отличалось удобствами. Только крыша над головой да тощие соломенные матрасы, которые мы сами втаскивали наверх. Спасибо еще, что из хлева сюда не доходила вонь — пока. Нельзя не признать, однако, что еда на постоялом дворе была намного вкуснее, чем костлявая белка, насаженная на ветку и поджаренная на костре, к тому же мне смертельно надоело пить воду пополам с песком из мелких речушек.

Надеюсь, темный сидр придется вам по вкусу.

Да, он пришелся по вкусу. Не знаю, что я ожидал увидеть, но только не такое. Поморщившись, я потер бок, вспоминая многочисленные побои — это было давно, но навсегда врезалось в память. Те особы королевской крови, с которыми мне доводилось иметь дело, были сотканы из алчности и трусости, в ней же я не заметил ни того, ни другого. Она храбро держалась с тем наглецом, защищала подругу так, будто у нее за спиной стоит целая армия. Ей было страшно, я ясно видел, как дрожат в ее руке кружки. Но страх не заставил ее отступить.

Но нет, принцесса остается принцессой. Все это — не что иное, как надменная самоуверенность, выдающая ее происхождение. Я вспомню об этом, когда придет ее время — но это не означает, что пока я не могу позволить себе лишние несколько дней насладиться жизнью на постоялом дворе и прочими радостями, прежде чем выполню поручение. А времени на его выполнение у меня предостаточно. Гриз и остальные должны присоединиться ко мне не раньше, чем через месяц. Я не обязан проводить это время в одиночестве, бродя по пустошам и поедая грызунов, если можно остаться здесь. А свою работу я еще сделаю, когда наступит подходящий момент. Комизар всегда мог на меня положиться, и в этот раз я тоже его не подведу.

Я стащил с ног сапоги, задул фонарь и сунул нож под матрас с краю, чтобы был под рукой. Сколько раз мне приходилось перерезать им глотки, безымянным, незнакомым? Но в этот раз я знал имя своей жертвы — хотя бы то, которым она сама себя называла. *Лиля*. Совсем не королевское имя. Мне было любопытно, почему она его выбрала.

Лиля. Это звучало, как тихий шелест ветра.

Глава двенадцатая

Принц

Я уверял Свена, что не стану с ней разговаривать. Но с того самого мгновения, как увидел ее, увидел, как она гордо несет себя, словно не замечая мира вокруг, я только этого и желал. Я хотел произнести грандиозную обличительную речь, отповедь, от которой даже у моего ко всему привычного отца запыхали бы уши. Я хотел выдать ее, объявить во всеуслышание, кто она такая — но вместо этого сидел молча и позволил ей подойти к нам и предложить меню. Принцесса Арабелла, Первая дочь дома Морриган, прислуживала в таверне.

И мне показалось, что ей это нравится. Нравится чрезвычайно.

Пожалуй, именно это взбесило меня больше всего. Пока я трясся в седле и глотал дорожную пыль, представляя ее в лапах разбойников или медведей, она развлекалась, играя в служанку. Не женщина, а ходячее несчастье, это я уже понял — а в тот день, когда она сбежала с нашей свадьбы, я чудом избежал отравленной стрелы. Мне следовало бы благодарить ее за это. Я чуть не рассмеялся, вспомнив, что отец предлагал мне завести любовницу на другой день после свадьбы. Эта девушка способна была бы заставить весь королевский двор и половину королевской армии горько сожалеть о таком решении.

Я перевернулся на другой бок, устраиваясь на комковатом матрасе, в надежде, что мешаю спать своему непрошеному соседу. Он добрых полчаса громко топал по чердаку, прежде чем потушил свой фонарь. Я обратил внимание, что он наблюдал за ней в таверне, не спуская глаз, с первой минуты, как только мы вошли.

Признаюсь, я и сам был ошеломлен, впервые увидев ее. Ничего похожего на кислое, измученное долгой дорогой лицо, которое я рисовал себе в мыслях. Заготовленная гневная отповедь потеряла всякий смысл, когда я рассмотрел эту девушку. Мне почти хотелось, чтобы это оказалась не она, но, услышав, как она разговаривает, я уже знал. Я узнал ее по решительности и пылкому нраву. По тому, как уверенно она осадил зарвавшегося пьянчугу всего несколькими жаркими, хотя и опрометчивыми словами.

Мы сели к столу, и я заметил, что мой новоиспеченный приятель продолжает глядеть на нее, буравя взглядом, как пантера, готовящаяся к прыжку — может, обдумывал, подойдет ли она ему в качестве десерта. Я тогда чуть не вышиб из-под него табурет.

Надеюсь, завтра утром он будет уже далеко отсюда и забудет думать о местной служаночке, за которой пытался приударить. Когда мы вышли из таверны и он отлучился по нужде, я осмотрел его вещи — все неприметное, никаких меток, ни клейма мастера, ни названия местности. Ничего. Сам выюк, ножны, поводья, попона — все безымянное, нигде ни малейшего украшения, ни даже простенького тиснения на уздечке. Случайно — или намеренно?

Я снова заворочался, не находя удобного положения. *Итак, я увидел ее. Что теперь?* Я убеждал Свена, что не заговорю с ней — и заговорил. Я хотел публично опозорить ее — и не сделал этого. Я хотел поговорить с ней наедине и понимал, что не смогу. Решительно все шло не так, как я планировал.

Глава тринадцатая

— Почему ты не разбудила меня вчера вечером, когда вернулась?

Я стояла за спиной у Паулины, сидевшей у зеркала, и разглядывала ее тусклое отражение. Стекло от времени пошло пятнами, наверное, его вынесли сюда как испорченный хлам, но меня это не беспокоило. Я радовалась тому, что на щеках моей подруги снова появился румянец. Она резко махнула гребнем, чуть не вырвав прядь длинных золотистых волос. Я достала из шкафа свой костюм для верховой езды.

— Было уже поздно, ты так мирно посапывала во сне. Ни к чему было будить тебя.

Резкие взмахи гребешка замедлились, стали менее решительными.

— Мне так жаль, что Берди тебя отчитала. Она на самом-то деле пыталась...

— У нас с Берди все прекрасно, Паулина. Не беспокойся. После твоего ухода мы с ней разговаривали. Она меня поняла...

— Ты должна понимать, Лия, Терравин — совсем не Сивика. Твой отец и все его министры не контролируют каждого солдата в королевстве. Берди старается как может.

Я резко повернулась, готовая оборвать ее, новые нравоучения привели меня в бешенство, но... в ее словах было зерно истины. Отец редко и неохотно выезжал за пределы Сивики, он любил комфорт. Как и его министры. Он управлял королевством издали, если вообще управлял, решая свои проблемы с помощью уловок вроде заключения браков. Когда он в последний раз совершал инспекцию, объезжал свои владения, разговаривал с теми, кто жил вне стен столицы? Вице-регент и несколько его приближенных — единственные из министров, кто хоть иногда выезжал из Сивики, да и то ради дипломатических визитов в Малые королевства.

Я встряхнула брюки, чтобы разошлись складки, и мы с Паулиной обе уставились на порванную в лоскуты коленку и на истертые нитки еще в нескольких местах, где ткань уже начинала расползаться.

— Ты права, Паулина. Терравин — это *совсем* не Сивика.

Мы обменялись улыбками — лохмотья, подобные этим, были недопустимы даже для внешних залов королевского двора — и поняли друг друга без слов. Занимая престол более тридцати лет, мой отец больше не знал своего королевства, теперь мне это было очевидно. Есть вещи, которые легче увидеть с большого расстояния, чем у себя под носом.

Мы оделись, заправили рубашки в брюки, натянули сапоги. Я закрепила сбоку свой кинжал и поверх надела мягкий кожаный жилет, чтобы скрыть его. *Шестидюймовое лезвие*. Я заулыбалась. Неужели он поверил? В моем оружии нет и четырех дюймов — зато оно отлично сбалансировано — а тетушка Бернетта любила повторять, что при описании оружия, побед и некоторых частей тела небольшое преувеличение не грех.

Свой маленький, инкрустированный драгоценными камнями кинжальчик я носила скорее ради того, чтобы ощущать близость к братьям, чем для защиты. Но если Рейф будет думать иначе, мне это не повредит. Вальтер всегда с радостью точил для меня кинжал и гордился, как лихо я расправляюсь с дверью гардеробной. Теперь править лезвие мне придется самой. Я потрогала ножны, убедившись, что они плотно прилегают к бедру. Интересно, братья так же сильно тоскуют по мне, как я по ним?

С постоянного двора никто не съехал, так что прибираться утром в освободившихся комнатах не было необходимости, и Берди отправила нас собирать ежевику. Поход по ягоды

вносил отрадное разнообразие в размеренное течение дней. К тому же мне хотелось подарить день отдыха и нашим осликам тоже. Впрочем, я прекрасно понимала, что они с наименьшим удовольствием будут жевать сено в стойле, время от времени отпуская громогласные комментарии по поводу всего, что видят вокруг (мои любимцы, кажется, ни разу не упустили случая зареветь, если к ним приближался Энцо).

По дороге нам предстояло захватить Гвинет, чтобы она указала путь до Каньона Дьявола, где ежевики было особенно много. Берди утверждала, что ягоды там самые сладкие. До праздника оставалось меньше двух недель, так что ягоды были нужны ей для ежевичных лепешек, запеканок и, конечно, варенья. А еще, как подслушала Гвинет, ягоды были необходимы Берди, чтобы заготовить ежевичное вино и пополнить запасы на смену тем, что были выпиты на празднествах прошлого года.

Мне было очень любопытно, что же припрятано в ожидающих праздника ящиках в дальнем углу подпола. Все купцы и торговые люди городка, разумеется, вносили каждый свой вклад в празднование — и ежевичные блюда и напитки из года в год были фирменными блюдами Берди. Традиция. Но из тех, которые я приветствовала.

Я заплела Паулине волосы и попыталась было уложить их вокруг головы, но не хватило сноровки, так что дело ограничилось простенькой, но аккуратной косой, лежащей на спине. Мы поменялись местами, и Паулина сделала прическу мне, но более искусную, хотя справилась куда быстрее — она сплела по косе на каждом виске, соединив их на затылке, к тому же оставила свободные пряди, чтобы вплести ленты. Возясь с моими волосами, Паулина что-то бормотала себе под нос, и я решила, что она вспоминает ночные сны о Микаэле. Но вот она обнаружила у меня в волосах что-то недолжное — кажется, напившегося клеща — и невольно заговорила чуть громче. Ее слова меня насторожили.

— О чем ты? — спросила я.

— Просто вспомнились те двое, вчера в таверне. Когда Берди отправила тебя на кухню, это им определенно пришлось не по нраву. Интересные у тебя завелись воздыхатели.

— Каден и Рейф?

— О! Ты знаешь, как их зовут? — Паулина заглянула мне в лицо и, слегка дернув за косу, подмигнула.

— Простая вежливость, не более того. Я их обслуживала, вот и спросила.

Девушка наклонилась так, чтобы мне было видно ее отражение в зеркале, и демонстративно округлила глаза.

— Что-то я ни разу не видала, чтобы ты интересовалась именами у старых лысых мясников да сапожников. А как же третий, что подошел позже? Его имя ты тоже знаешь?

— Третий?

— А ты не видела? Он вошел после сразу за этими двумя. Худой и какой-то взъерошенный. Он то и дело на тебя косился, глаз не спускал.

Я попыталась припомнить, но вчера я была слишком возмущена тем поганым солдафоном, а потом обслуживала Кадена и Рейфа и даже не обратила внимания, что дверь отворилась еще раз.

— Нет, я не заметила.

Паулина пожала плечами.

— Он недолго пробыл. Даже не допил свой сидр. Зато Каден и Риф не торопились. Эти два парня не показались мне похожими на испуганных кроликов.

Я понимала, что она намекает на Чарльза и многих других мальчишек, которые меня

избегали.

— Его имя не Риф, а Рейф, — машинально поправила я.

— Вот как... *Рейф*. Ты уже выбрала, кого из них больше жалуешь?

У меня напряглась спина. *Жалую?* Настал мой черед округлить глаза.

— Они оба дерзкие надутые грубияны.

— Чей это голос я слышу — Ее королевского высочества или девушки, которой надоели пугливые кролики? — Паулина потянула меня за незаплетенную прядь.

— Ох, Паулина, обещаю: не сносить тебе головы, если ты еще раз дернешь меня за волосы. Надо ли так стараться?

Угроза не произвела на девушку ни малейшего впечатления.

— Я лишь хочу вернуть долг за вчерашнее, — улыбнулась она. — Вчера я сама должна была дать отпор гвардейцу, раньше, чем это сделала ты.

Я вздохнула.

— Каждый делает, что может, Паулина. Ты терпелива и снисходительна к промахам, но порой это бывает не на пользу. А у меня, и тебе это известно, выдержка, как у рассерженной кошки. И это — хотя бы изредка — может оказаться кстати.

Я смиренно развела руками, отчего Паулина усмехнулась и продолжила:

— А с чего ты взяла, что вырвать мне все волосы — значит вернуть долг?

— Я спасаю тебя от тебя же. Я же видела тебя с ними вчера вечером. — Подруга опустила руки мне на плечи и снова тихо заговорила. — Хочу, чтобы ты перестала бояться. Хорошие парни не убегают, Лия.

Я заерзала от неловкости и хотела отвести взгляд, но Паулина смотрела мне в глаза пристально и неотступно. Она слишком хорошо меня знала. Я всегда умело прятала свои страхи от окружающих, острый язык и решительные поступки помогали мне в этом. Но только не от Паулины: слишком часто ей приходилось видеть, как я пытаюсь выровнять дыхание, стоя в темном коридоре цитадели после очередной стычки с книжником, который обвинял меня в нерадивости, скверном поведении и нарушении множества правил, исполнения которых от меня ждали. А сколько раз она заставляла меня у окна спальни — там я часами стояла неподвижно, уставившись в пространство и смахивая слезы, после очередного резкого отцовского выговора. Наверняка, помнила она и случаи, когда я пряталась в гардеробную и запиралась изнутри. Я знала: Паулина слышит, как я плачу. В последние годы я все меньше отвечала требованиям — и чем больше меня одергивали, отчитывали, заставляли замолчать, тем больше я мечтала быть услышанной.

Паулина убрала руки.

— Полагаю, они оба в равной мере приятны на вид, — я старалась говорить равнодушно, но и сама услышала притворство в своем голосе. Правда же была в том, что оба они привлекали меня, каждый по-своему. Я ведь не мертвая. Но вчера, когда они вошли в таверну, хотя сердце мое и забилось учащенно, прежде всего я почувствовала, что их следует опасаться.

Паулина ждала, что я скажу что-то еще. Казалось, она не удовлетворена моим признанием, и я добавила еще кое-что, понимая, что буду об этом жалеть.

— Возможно даже, что я отдаю предпочтение одному из них.

Но я и сама не была в этом до конца уверена. То, что один из них показался мне более необычным, даже таинственным, еще не означало, что я отдала ему свое *предпочтение*. И все же... прошлой ночью он назойливо преследовал меня во сне. Его лицо исчезало, таяло и

снова появлялось, как призрак во мраке дремучего леса на стенах полуразрушенных руин, а его глаза горели огнем.

Он шел за мной по пятам, *следил* за мной, как будто я похитила его тайну. Это были тревожные сны, совсем не похожие на грезы Паулины о Микаэле, какими я их себе представляла. Впрочем, возможно, причиной моих беспокойных снов было поварское искусство Берди, но и утром, когда я проснулась, мои первые мысли были о нем.

Паулина улыбнулась, перевязывая мою косу простой бечевкой. «Ваше высочество, вас ожидает ежевика».

* * *

Пока мы седлали наше ревущее трио, из таверны показался Каден. Утром Берди сервировала для постояльцев простой завтрак: твердые сыры, вареные яйца, копченая рыба, каша, лепешки, а в качестве питья вдоволь горячего цикория — все это раскладывалось на буфете. Гости вольны были взять, что хотят, и поесть здесь же или захватить с собой в дорогу. От Берди никто не уходил голодным — ни нищие попрошайки, ни принцессы, приблудившиеся к ней на черное крыльцо.

Я подтянула подпругу у Отто и стала проверять, как запряжен Нове, но сама незаметно из-под ресниц посматривала на Кадена. Паулина вдруг громко закашлялась, будто что-то попало ей в горло. Я бросила на нее сердитый взгляд. Она глазами указала на Кадена, который направлялся прямо к нам. У меня внезапно пересохло во рту, и я сглотнула, пытаюсь хоть чуть-чуть смочить его. На постояльце была белая рубашка, он приближался к нам, ступая сапогами прямо в грязь.

— Доброе утро, дамы. Вы сегодня поднялись спозаранку.

— Как и вы, — откликнулась я.

После краткого обмена любезностями Каден сообщил, что встал рано, чтобы уладить кое-какие дела, из-за которых, вероятно, еще на несколько дней задержится на постоялом дворе — но что это за дела, объяснить не стал.

— Вы и в самом деле торговец пушным товаром, Гвинет не ошиблась? — спросила я.

Он улыбнулся.

— Вообще-то, она совершенно права. Шкурки мелких зверьков. Обычно я торгую южнее, за Пьядро, но хочу попытать удачи на севере — может, цены там повыше. Наблюдательность вашей подруги достойна похвалы.

Значит, я ошиблась. Он все же торгует мехами. До чего же обманчива бывает внешность.

— Да, — кивнула я. — Гвинет удивительно догадлива.

Каден отвязал лошадь от коновязи.

— Надеюсь, когда я вернусь ближе к вечеру, у вас освободится комната получше.

— Вряд ли, скоро ведь праздник — вступила в разговор Паулина. — Но в других гостиницах в городе могут найтись номера.

Он помолчал, будто мысленно перебирая остальные возможности, а его глаза задержались на мне на миг дольше, чем можно было выдержать, не смутившись. При свете дня его пшеничные волосы блестели, а темно-карие глаза оказались насыщенного теплого цвета недавно вспаханной земли с бронзовыми крапинками — и все же под видимой безмятежностью определенно проглядывало беспокойство. Короткая щетина на подбородке

Кадена зазолотилась на солнце, и я сама не заметила, что рассматриваю его красиво очерченные губы, пока на них не появилась довольная усмешка. Я поспешно переключила внимание на Нове, чувствуя, что покраснела.

— Я останусь здесь, — ответил он наконец.

— А ваш друг? Тоже остается здесь? — спросила я.

— Его планов я не знаю, но уверен: у него слишком чувствительный нос, чтобы надолго задержаться по соседству с хлебом.

Постоялец галантно распрощался с нами, и вот я уже смотрю, как он скачет прочь на своем могучем вороном жеребце — у этого черного, как ночь и норовистого коня даже дыхание было шумным и зловещим, как у огнедышащего дракона. Такой и впрямь мог разрушить стойло — и его просто невозможно было принять за кобылу. Я улыбнулась воспоминанию, удивляясь, зачем Рейфу понадобилось дразнить приятеля. Странная парочка друзей, ничего не скажешь.

Когда Каден окончательно скрылся из виду, Паулина улыбнулась:

— Значит, это Рейф.

Я промолчала и уселась верхом на Отто. Кажется, сегодня Паулина твердо решила посвятить день обсуждению моих отношений, сначала с Берди, а потом с... кем-то еще. Уж не потому ли, что ее саму мучило желание поскорее соединиться с Микаэлем? Я не любила беспокоить богов сверх обязательных обрядов, но сейчас прижала к губам два пальца и вознесла молитву о том, чтобы Микаэль возвращался поскорее.

* * *

Терравин был мал, и именно в этом заключалась немалая часть его очарования. От постоянного двора Берди, прижавшегося к горам на южном конце городка, до первых торговых кварталов на северном можно было добраться минут за пятнадцать — а если не связываться с тремя невозмутимыми ослими, которые вообще никуда не торопились, и того быстрее. Я вертела головой, изучая разноцветные яркие домики и магазины. Паулина рассказала, что эта традиция зародилась много веков назад. Женщины в рыбацкой деревушке выкрасили свои хижины разными красками, чтобы мужья, ушедшие в море, издалека могли узнать стены своего дома и вспомнили, что их возвращения дожидаются жены. Женщины верили, что таким способом они оберегают своих любимых, чтобы те не заплутали в море.

Можно ли уплыть в море так далеко, чтобы не найти дорогу к дому? Мне самой не доводилось заходить в море дальше, чем по колени — в обжигающе холодную воду Шафранного моря во время редких семейных пикников. Мы с братьями гонялись друг за другом по пляжу и собирали красивые ракушки с ... *моим отцом*. Давнее воспоминание ворвалось, как порыв ледяного ветра. Так много других воспоминаний громоздилось поверх, что оно казалось давно потерянным. Я была уверена, что отец никогда не вспоминает тех поездок. С тех пор он слишком сильно изменился, стал другим человеком. Что ж, я тоже стала другой.

Мы с Паулиной понемногу продвигались на север по узкой верхней тропе, шедшей параллельно с широким трактом, проходившим ниже. Солнечный свет пробивался сквозь деревья и неровными пятнами падал на дорогу перед нами. Таких неприметных тропок здесь было немало — они шли через Терравин, петляли по склонам окрестных холмов, поход по

каждой из них сулил удивительные открытия. Когда по одной из них мы спустились к центру городка, стала видна Сакриста — непомерно громадное сооружение для такого небольшого селения. Видимо, терравинцы особенно истово поклоняются своим богам, подумала я.

С одной стороны лежало кладбище, такое древнее, что от некоторых надгробий были видны только плоские каменные плиты. Украшения, надписи, знаки заслуг давно стерлись, а люди, лежащие в могилах, потерялись в истории, и все же перед некоторыми камнями и теперь светились алые стеклянные фонарики со свечами поминовения.

Я наблюдала, как взгляд Паулины скользит по камням и свечам. Даже Отто сбавил шаг и прядал ушами, будто кого-то приветствовал. Ветер с моря гулял между надгробьями, тянул меня за незаплетенные прядки, обматывал их мне вокруг шеи.

Умер... умер...

У меня побежали мурашки по коже. *Страх сдавил мне горло с неожиданной яростью. Микаэль. Что-то случилось. Что-то пошло не так, безнадежно и необратимо.*

Ужас наполнил меня до краев. Я заставила себя вспомнить факты: *Микаэль всего лишь был в дозоре.* Вальтер и Реган, мои старшие братья, десятки раз ходили в дозоры и иногда возвращались позже обещанного срока из-за непогоды, перебоев с провиантом и всевозможных непредвиденных обстоятельств. Дозоры никогда не были опасными. Иногда случались стычки, но чаще патрульным не доводилось даже встречаться с нарушителями границ. Единственное ранение, какое я могла припомнить, был раздавленный палец ноги, когда лошадь наступила Регану на босую ногу.

Дозоры были простой предосторожностью, патрули присматривали за тем, чтобы никто не переходил границу, чтобы не устраивали постоянных поселений в Кам-Ланто, разделительной зоне между королевствами. Они преследовали шайки варваров, выдворяя тех на их собственные территории. Вальтер всегда говорил, что это не более чем демонстрация силы. Самое неприятное во всем этом, смеялся брат, это запахи от немых мужских тел. На самом деле, я была почти уверена, что варвары вообще не представляют серьезной опасности. Да, они были дикарями, но судя по тому, что я слышала от придворных и военных, веками не переходили наших границ. Неужели они так уж свирепы и кровожадны?

С возлюбленным Паулины все хорошо, твердила я себе, но чувства почему-то подсказывали другое. Я никогда не встречала Микаэля. Он не был уроженцем Сивики и лишь приписан к нашим войскам при плановой переброске войск, Паулина же хранила все в секрете — настолько, что ни разу даже не упомянула о нем до самого нашего побега. Теперь я опасалась, что возможно никогда не увижу юношу, который так любил Паулину и при упоминании имени которого она вся начинала светиться.

— Хочешь, устроим остановку? — крикнула я неестественно громко, глядя на нее. Я потянула Отто за поводья.

Паулина остановилась, обеспокоенно хмурия лоб.

— Если ты не против. Это займет пару минут.

Я кивнула, и моя подруга соскочила с Нове, сжав в кулаке монету. Почти бегом она направилась к Сакристе. *Свеча. Молитва. Надежда. Трепещущий огонек, зажженный ради Микаэля. Маяк, чтобы ему благополучно добраться до Терравина.*

Это поддержит и утешит ее до следующего раза, когда зловещий ветерок далекой смерти снова тронет сердце. Паулина, как всегда, сдержала слово, она вернулась через несколько минут, и к этому времени беспокойство почти исчезло с ее лица. Паулина отдала свои тревоги богам. И у меня на сердце тоже стало легче.

Мы выехали на главную дорогу и по указаниям, полученным от Берди, нашли дом, в котором Гвинет снимала комнатку над аптекой. Точнее, это был крохотный домик, зажатый с двух сторон между большими магазинами. По одной стене поднималась узкая лестница на второй этаж — который, как я предполагала, занимала Гвинет. Это была надстройка, уходящая уступом вглубь от линии домов, шириной всего в размах рук. В ней наверняка не было водопровода и даже таких элементарных удобств, как туалет. Меня очень интересовала жизнь Гвинет за пределами таверны. Она никогда о ней не рассказывала, а если расспрашивали, отвечала туманно, неопределенно и тут же переводила разговор на другие темы — от чего мое воображение лишь пуще разгоралось. Мне представлялось, что она живет в каком-то куда более необычном или таинственном месте, чем каморка над аптекой на многолюдной улице.

Мы спешили, и я дала Паулине подержать поводья Отто, сказав, что сбегаю наверх за Гвинет, но та вдруг показалась из сапожной лавки напротив, с ребенком лет шести или семи, очаровательной девочкой с темно-рыжими кудряшками по плечи и россыпью солнечных искр на носу и щеках. В руках в нее был маленький сверток, который она любовно прижимала к груди.

— Спасибо, госпожа Гвинет! Я пойду поскорее покажу маме!

Девчушка бросилась бежать и скрылась в одном из переулков.

— До свидания, Симона! — крикнула Гвинет и, хотя девочки уже не было видно, продолжала стоять, глядя ей вслед. Ласковая улыбка в глазах, нежность во всем облике. Такой Гвинет я еще не видела.

— Она очень хорошенькая, — выкрикнула я, чтобы привлечь ее внимание.

Гвинет, вздрогнув, разом выпрямилась и обернулась к нам. «Вы сегодня рано», — бросила она.

Она перешла на нашу сторону улицы, придирчиво осмотрела кривые зубы Дьечи, шумно высказывая сомнение в том, что этому существу когда-либо доводилось ходить под седлом. Мы и правда этого не знали, но в упряжи ослик выглядел недурно. Когда Гвинет наклонилась проверить подпругу, мимо с грохотом проехала телега с обедами для портовых рабочих, и воздух вокруг наполнили волны аромата жирного копченого угря. Хотя я не слишком жаловала этот местный деликатес, но запах нельзя было назвать неприятным — однако Паулина зажала рукой рот. С ее лица сбежала краска, девушка согнулась пополам, и ее завтрак оказался на мостовой. Я хотела поддержать ее, помочь, но Паулина меня оттолкнула, и ее снова вывернуло на мостовую, так что брызги разлетелись во все стороны. Теперь ее желудок наверняка пуст, подумала я. Паулина выпрямилась, прерывисто вздохнула, но ее руки были прижаты к животу в защитном жесте. Я поглядела на этот жест, и на миг весь мир вокруг нас исчез.

О, боги благословенные.

Паулина?

Догадка прошила меня, как удар кинжала. Неудивительно, что она в последнее время такая бледная и так быстро устает. Неудивительно, что она так растеряна и встревожена.

— Паулина, — прошептала я.

Она тряхнула головой, не позволяя мне продолжать.

— Я в полном порядке! Все будет отлично. Просто эта каша что-то не впрок пошла.

И она виновато взглянула на меня мокрыми от слез глазами.

Что ж, мы еще успеем поговорить об этом позже. А сейчас, под внимательным взглядом

Гвинет, я поспешно постаралась прикрыть подругу, объяснив все хрупким сложением Паулины.

— Слабый желудок или что еще, она сейчас не в том состоянии, чтобы трястись в жару по каньону за ягодами, — твердо заявила Гвинет, и, к моей радости, Паулина с ней согласилась. Все еще бледная, она настояла на том, что вернется домой сама, и я неохотно отпустила ее.

— Смотри, сегодня не ешь больше кашу, — крикнула ей вслед Гвинет, когда она отъехала.

Но мы с Паулиной знали: дело совсем не в завтраке, ее тошнило не поэтому.

*Из зерна, брошенного вором,
восстанет Дракон,
ненасытный,
он будет питаться кровью младенцев,
пить слезы матерей.*

— *Песнь Венды*

Каньон Дьявола не зря получил свое название. Легкие ветры Терравина сюда не долетали. Каньон был засушливым и пыльным, но при этом странно красив. Огромные кряжистые дубы росли вперемежку с высокими пальмами и колючими, как ежи, кактусами. Бальзамины выше человеческого роста обрамляли стремительные потоки ключевой воды, бравшие свое начало из отвесных скалистых склонов. Я вообразила, что это место — убежище демона, который и перенес сюда все эти разномастные растения со всех концов земли в надежде создать подобие рая, каким он ему представлялся. Разумеется, росла здесь и ежевика со своими соблазнительными ягодами, но до нее мы пока не добрались.

Гвинет, набирая полные легкие воздуха, дула на себя, пытаясь охладить лоб, потом расстегнула блузу, сняла ее и обвязала вокруг талии. Нижняя сорочка почти не скрывала ее пышную грудь, победно торчавшую сквозь тонкую ткань. Моя сорочка была куда более закрытой и скромной, но все же, хотя струйки пота уже щекотали мне спину, я не решалась последовать примеру Гвинет. Я понимала, что Терравин намного спокойнее относится к обнажению некоторых частей тела, но в Сивике такая почти полностью открытая грудь вызвала бы скандал. Мои родители бы...

Я улыбнулась и сбросила жилет, стянула через голову рубашку, оставшись в нижней сорочке. Прохладный воздух коснулся влажной кожи, сразу принес облегчение.

— Правильно, принцесса. Так легче, верно? — сказала Гвинет.

Я резко дернула поводья, и Отто тут же отозвался, звучно выражая недовольство.

— Принцесса?

Она тоже придержала Дьечи, сделав это намного спокойнее, и усмехнулась.

— Ты думала, я не знаю? Всезнающей Гвинет все ведомо.

Сердце у меня бешено билось. Мне было не до смеха. Я ведь даже не была уверена, что она не блефует.

— По-моему, ты меня с кем-то путаешь.

Гвинет изобразила, будто оскорблена, но уголки рта тут же растянулись в ухмылке.

— Ты во мне сомневаешься? Будто не видела, как точно я оцениваю молодчиков в таверне? — Гвинет щелкнула поводьями и проехала вперед. Я последовала за ней в том же темпе, а женщина продолжала говорить, и казалось, эта игра нравится ей даже больше, чем та, в которую она играла в таверне.

— Или, — она широко улыбнулась, — возможно, у меня есть хрустальный шар. Или... а что если я сунула нос в дом, где вы живете с Паулиной?

Драгоценные камни в моем мешке. Или, того хуже, краденные...

Я сдержала испуганный вздох.

Гвинет повернулась ко мне и нахмурилась.

— А может, мне проболталась Берди, — произнесла она сухо.

— Что? — Я снова резко натянула повод Отто, и осел опять возмущенно заголосил на высокой ноте.

— Перестань ты! Бедное животное ни в чем не виновато.

— Тебе сказала Берди?

Гвинет спешила, нарочито неторопливо, изящно, тогда как я неуклюже сползла со своего осла, чуть не упав лицом в листву.

— После того, как клялась мне, что будет молчать, как рыба! — возмущенно выкрикнула я. — После всех уверений, что будет осторожна, что будет прятать нас до конца дней?!

— Речь шла о нескольких днях. И рассказать мне — это другое. Она...

— Другое? Выболтать чужую тайну служанке, которая щебечет с незнакомцами в таверне — это другое? Тебе совершенно незачем было об этом знать!

Я повернулась, чтобы направить Отто вперед, но Гвинет ухватила меня за запястье и резко развернула к себе.

— Берди знает, что я живу в городе и узнаю первой, если власти начнут что-то вынюхивать или, если вдруг до этого дойдет, отдадут приказ о твоём задержании.

Она выпустила мою руку. Я поморщилась, растирая запястье там, где она его крутанула.

— Так тебе известно, что я сделала?

Презрительно покривив губ, она кивнула.

— Не могу похвастаться, что я понимаю, зачем. Уж лучше дать себя захомутать надутому принцу, чем бабнику без гроша в кармане, но...

— Предпочитаю никому не давать себя захомутать.

— А. Любовь. Вот оно что. Приятная штука, если посчастливится ее найти. Но главное — не волнуйся попусту, я на твоей стороне.

— Ах, — фыркнула я. — Какое облегчение.

Гвинет расправила плечи, склонила голову набок.

— Не стоит меня недооценивать, Лия, я могу быть полезной. А я не буду недооценивать тебя.

Я уже и так готова быть откусить себе язык за последнее вырвавшееся замечание. Я вздохнула.

— Приношу извинения, Гвинет. Я не хотела тебе грубить. Просто... я же так старалась быть осторожной. Не хочу, чтобы кто-то обнаружил мое присутствие.

— Надолго ли ты планируешь здесь задержаться?

Она полагает, что я здесь проездом?

— Навсегда, конечно. Мне больше некуда идти.

— Терравин — не рай, Лия. А проблемы Морригана не исчезнут лишь потому, что ты здесь спрячешься. Как насчет твоих обязанностей, ответственности?

— У меня нет обязанностей, только в Терравине. Я несу ответственность только перед Берди, Паулиной и постоянным двором.

Гвинет кивнула.

— Понимаю.

Но было очевидно, что она *не* понимает. Все, что она могла увидеть, была власть и привилегии, но я знала всю правду. Я едва годилась на что-то на кухне. В качестве Первой

дочери я была бесполезна. А служить пешкой в политической игре отказывалась.

— Что ж, — вздохнула женщина. — Все ошибки, которые я натворила в своей жизни, я, по крайней мере, сделала сама. Ты также имеешь полное право совершать свои.

— Какие ошибки ты совершила, Гвинет?

Она буквально пронзила меня взглядом.

— *Достойные сожаления.*

Мне хотелось продолжить расспросы, но Гвинет уже отвела глаза и махнула рукой в сторону двух узких отрогов каньона, туда, где, по ее словам, находились самые лучшие ягодники.

— Мы можем оставить ослов здесь. Ты иди по одному отрогу, я по другому. Так мы быстро наберем полные корзины.

Так и окончился наш разговор. Отвязав корзины, притороченные к седлу Дъечи, Гвинет ушла, не рассказав о своих достойных сожаления ошибках, но ее взгляд, пронзительный и мрачный, не выходил у меня из головы, и я пыталась представить, что же именно она натворила.

[Купить полную версию книги](#)